

Ганс-Германн Хоппе

Краткая история человечества

Посвящается Гюльчине

Переводчик: Михаил Евгеньевич Парфенюк

Редактор: Мария Игоревна Шевырёва

Переведено с английского: Hans-Hermann Hoppe. A Short History of Man: Progress and Decline

Оглавление

Предисловие Льюеллина Гаррисона Рокуэлла.....	1
Введение. Австро-либертарианская реконструкция истории.....	3
Глава 1. О происхождении частной собственности и семьи.....	6
Примечания.....	24
Глава 2. От мальтузианской ловушки к промышленной революции.....	31
Примечания.....	44
Глава 3. От аристократии к демократии через монархию.....	45
Примечания.....	59
Об авторе.....	59

Предисловие Льюеллина Гаррисона Рокуэлла

Ганс-Германн Хоппе — один из самых выдающихся либертарианских мыслителей нашего времени. Он был лауреатом премии Юргена Хабермаса, известного немецкого философа и общественного деятеля. Хабермас был и остаётся марксистом и лидером одиозной Франкфуртской школы.

Под покровительством Хабермаса Ганс имел все основания ожидать звёздной академической карьеры на своей родине. Вскоре, однако, произошло событие, которому могут быть рады все сторонники свободы. Познакомившись с произведениями Людвиг фон Мизеса и Мюррея Ньютона Ротбарда, Ганс осознал, что социалистические и левые идеи, которых он придерживался в студенческие годы, были интеллектуально бесплодны и морально несостоятельны.

Австрийская экономика и анархизм Ротбарда не интересовали Хабермаса. Став либертарианцем, Ганс фактически лишил себя шансов получить кафедру в крупном немецком университете, несмотря на то что его интеллектуальные достижения с лёгкостью позволяли ему претендовать на это. Как и Мюррей, Ганс — мыслитель, ценящий интеллектуальную честность. Он не отказался от своих взглядов несмотря на карьерные риски.

Ганс решил переехать в США, чтобы учиться у Ротбарда, который тогда преподавал в Нью-Йорке. Когда я встретил Ганса, я был поражён его твёрдой приверженностью ротбардианским принципам и выдающимися интеллектуальными способностями. Мюррей, конечно, сразу же заметил потенциал Ганса. Когда Мюррей стал заведующим кафедрой экономики в Университете Невады, Лас-Вегас, он помог Гансу получить должность на экономическом факультете. Вместе они сделали Университет Невады

крупным центром изучения австрийской школы экономики, несмотря на большое сопротивление со стороны некоторых коллег по кафедре.

Мюррея особенно заинтриговал один из главных аргументов Ганса. Преподаватель Ганса Хабермас стал пионером в подходе к этике, основанном на условиях участия в рациональной аргументации. В том смысле, который Хабермас вряд ли одобрил бы, Ганс перевернул этику Хабермаса с ног на голову. Вместо того чтобы поддерживать социализм, аргументативная этика, как объяснял Ганс, может использоваться для защиты частной собственности. Мюррей от всего сердца одобрил и высоко оценил аргумент Ганса:

«Ганс Хоппе вывел анархо-локеанскую этику прав из самоочевидных аксиом. Он показал, что невозможно отрицать или не соглашаться с анархо-локеанской этикой прав, не противореча самому себе, подобно тому, как невозможно отрицать саму аксиому действия». («Liberty», ноябрь 1988 года)

Как и Мюррей, Ганс — анархо-капиталист. Лучшее правительство — это то, которого не существует. Тем не менее необходимо понять, какой тип правительства является наименее плохим. Почти все говорят — демократия. К сожалению, и многие либертарианцы согласны с этим утверждением.

В своей классической работе «Демократия — низвергнутый бог» Ганс показал, что демократия приводит к расточительным расходам и безрассудной политике. Находящиеся у власти знают, что они занимают свои должности лишь на ограниченный срок. Из-за этого они будут склонны следовать правилу: «Получи всё, что можешь, прямо сейчас». Напротив, у короля будет меньше мотивации для злоупотребления властью. Он будет стараться сохранить жизнь и имущество своих подданных, потому что он не является временным правителем и хочет передать процветающее царство своим наследникам. Разумеется, Ганс не утверждает, что монархия — хороша, просто по ряду причин она менее плоха, чем демократия. Известный классический либерал Эрик фон Кюнелт-Леддин, который оказал влияние на Ганса, назвал эту идею невероятно проницательной.

Одно из эссе в данной книге — «От аристократии к монархии и демократии» — резюмирует позицию Ганса. Читатели этой искромётной работы обнаружат, что если монархия лучше демократии, то аристократия лучше монархии. Всего через несколько страниц Хоппе заставит вас усомниться во всём, что вы когда-либо знали о правительстве.

На протяжении всей короткой истории человечества Ганс показывает, как австрийская экономика помогает понять историю. При этом он идёт по пути, проложенному его великим наставником Ротбардом. Как и Мюррей, Ганс —

мыслитель с универсальными интересами. В сферу его интересов входят антропология, социология, всемирная история, экономика и философия.

Опираясь на свои обширные знания, Ганс решает найти ответ на два вопроса: как возникли семья и частная собственность и как началась промышленная революция. Читатели узнают, как развитие прав собственности и свободного рынка сыграло важнейшую роль в прогрессе человечества. Вопрос, актуальный для нас, заключается в следующем: сможет ли государство помешать этому процессу?

«Краткая история человека» похожа на такие классические либертарианские работы, как «Государство» Франца Оппенгеймера, «Наш враг — государство» Альберта Джея Нока и «Взлёт и падение общества» Фрэнка Ходорова. Данная работа идеальна для знакомства с идеями знаменитого мыслителя и выдающегося либертарианца.

Введение. Австро-либертарианская реконструкция истории

В следующих эссе я попытаюсь объяснить три самых важных события в истории человечества.

Во-первых, я объясню, как возникли частная собственность, институт семьи и семейное хозяйство. Они стали основой сельского хозяйства и аграрной жизни, которая началась около 11 000 лет назад с неолитической революции в регионе под названием Плодородный полумесяц на Ближнем Востоке и которая с тех пор вплоть до конца XIX века становилась повсеместным явлением и накладывала отпечаток на человеческие жизни.

Во-вторых, я объясню происхождение промышленной революции, которая началась в Англии примерно в 1800 году, всего лишь около 200 лет назад. До тех пор человечество тысячелетиями жило в условиях мальтузианства. Увеличение населения ограничивало доступ к ресурсам. Увеличение производительности быстро поглощалось приростом населения, так что реальные доходы большинства людей постоянно держались на уровне, близком к минимуму, который требовался для выживания. Только около двух веков назад человек смог добиться условий, в которых одновременно с ростом численности населения стали увеличиваться и доходы людей.

И в-третьих, я объясню, как государство, представляющее собой институт, наделённый властью издавать законы и облагать жителей налогами, зарождалось и развивалось, чья форма правления превращалась из монархии, где короли обладали абсолютной властью, в демократию, где такой властью наделён народ.

Хотя этого и достаточно для введения, несколько дополнительных замечаний будут полезны для критически настроенного читателя.

До начала XX века нижеследующий текст следовало бы классифицировать как социологическое исследование. Но с развитием эмпирико-позитивистско-фальсификационистской философии и расширением её влияния термин «социология» приобрёл иное значение. Согласно эмпирической философии,

нормативные вопросы — вопросы справедливости, правильного и неправильного — не относятся к научным, поэтому большая часть современной научной социологии догматически привержена какому-то варианту этического релятивизма. Эмпирическая философия отрицает существование любых не фальсифицируемых, синтетических априорных законов и истин — и, следовательно, современная социология догматически привержена тому или ному варианту эмпирического релятивизма («возможно всё», «ни в чём нельзя быть уверенным», «ничто не может быть исключено с самого начала»).

Мои исследования являются тем, чего «хороший эмпирик» делать не должен; ибо я считаю эмпирико-позитивистскую философию неверной и ненаучной, а её влияние, особенно на социальные науки, губительным.

Очевидна ложность того, что этика не является наукой и что не существует универсальных принципов справедливости и критерия истинности, с помощью которого можно отличить моральный прогресс от упадка. Также ложно, что не существует никаких универсальных и неизменных законов человеческой деятельности — то есть законов того, что возможно и невозможно, что может и не может быть достигнуто человеком. Ошибочно полагать, что при решении той или иной проблемы или для достижения той или иной цели нет никакого произвольного критерия, который мог бы охарактеризовать действия как правильные и успешные или неправильные и ошибочные.

Утверждение об отсутствии универсальных законов человеческой деятельности противоречит классической экономике. Классическая экономическая теория, реконструированная и усовершенствованная в результате маржиналистской революции, даёт основания для построения всеобъемлющей системы априорно истинных законов человеческой деятельности — праксеологии. Особую роль играют идеи венской ветви экономической теории, более известной как Австрийская школа экономики, основанной Карлом Менгером (1840-1921) и достигшей расцвета при Людвиге фон Мизесе (1881-1973).

Любое объяснение исторических событий должно принимать во внимание праксеологию — особенно тот её вариант, разработанный Мизесом, — именно поэтому «эмпириков», не использующих праксеологию, можно укорить в том, что они игнорируют эмпирические данные. Отрицая или игнорируя лежащие в основе наблюдений за социальным миром праксеологические данные, они не видят леса за деревьями.

Утверждению об отсутствии критериев справедливости противоречит весь свод частного права, в том числе прав собственности и договоров, которые возникли в ответ на продолжающиеся межличностные конфликты за ограниченные ресурсы. Опираясь на стоическую концепцию естественного закона, идеи права совершенствовались во время римского и схоластического периодов, а затем стали частью светской традиции естественных прав, что к концу XIX века позволило появиться своду законов и научной литературе по вопросам права, которые посрамят любого этического релятивиста.

Надолго погребённая под горами позитивистского легистского мусора, в наше время традиция естественных прав была возрождена и реконструирована Мюрреем

Ньютоном Ротбардом (1926-1995), прежде всего в его «Этике свободы» (1981). В этой работе представлена всеобъемлющая система естественного права и политическая философия либертарианства. Любая нормативная оценка исторических событий, претендующая на научность — то есть претендующая на нечто большее, чем суждения вкуса, — должна учитывать философию либертарианства и идеи Мюррея Ротбарда в частности.

Поэтому, чтобы обозначить метод, которым я руководствуюсь в своих исследованиях по истории человека, для моей маленькой книги был выбран такой подзаголовок: Австро-либертарианская реконструкция истории.

События в истории человечества, которые я хочу объяснить, не были предопределены. Я расскажу историю такой, какой она была на самом деле, учитывая все известные факты. В связи с этим я не претендую на оригинальность. Я не раскрываю никаких неизвестных фактов и не оспариваю никаких установленных фактов. Но факты ничего не объясняют без соответствующей теории. Мои исследования объясняют и интерпретируют историю человека с концептуальной точки зрения австро-либертарианства: с учётом праксеологии (экономики) и либертарианства (этики). Я принимаю априорный характер законов праксеологии и этики и тот факт, что эти законы накладывают строгие логические ограничения на то, какие объяснения или интерпретации некоторого заданного набора исторических данных можно считать возможными (гипотетически) и истинными (научно допустимыми), а какие необходимо исключить по причине их невозможности и ложности. Таким образом, история рационально реконструируется с осознанием того, что каждое возможное объяснение и толкование должно соответствовать не только данным и фактам, но и, в частности, праксеологии и этике, и что любое объяснение или толкование, противоречащее им, является не только эмпирически ложным, но и вообще не является научно приемлемым.

Благодаря сделанному в моих исследованиях акценту на неравенстве людей и, в частности, на неравенстве их когнитивных способностей и психических наклонностей история, реконструированная и пересказанная таким образом, в значительной степени является ревизионистской — противостоящей не только большей части того, что говорит по этому поводу господствующий левый «мейнстрим», но и тому, что провозглашают «политкорректные» и «прогрессивные», так называемые «космополитические» либертарианцы.

Таким образом, столь знаменательное событие в истории человечества как неолитическая революция описывается как первое значимое интеллектуальное достижение и большой шаг в эволюции человеческого интеллекта. Институты семьи и частной собственности, а также практика земледелия и животноводства объясняются как рациональные изобретения и новаторское решение проблемы, с которой столкнулись племенные охотники и собиратели, обеспечивая баланс между увеличением населения и дефицитом земли.

Точно так же промышленная революция реконструируется как ещё один большой скачок в развитии человеческой рациональности. Проблема баланса между доступной землёй и численностью населения, которая была временно решена с помощью изобретения и распространения сельского хозяйства, должна была в

конечном итоге возникнуть вновь. Пока численность населения увеличивается, доходы на душу населения могут увеличиваться только в том случае и до тех пор, пока рост производительности опережает рост населения. Но неуклонный рост производительности, то есть непрерывное изобретение новых или более эффективных инструментов для производства всё более новых или качественных продуктов, требует высокого уровня человеческого интеллекта, изобретательности и терпения. В местах, где эти факторы отсутствуют, рост населения должен вести к снижению, а не к повышению доходов. Промышленная революция знаменует собой момент, когда человеческая рациональность достигла достаточно высокого уровня, чтобы сделать возможным бегство из мальтузианской ловушки. Этот побег стал возможен в результате размножения более интеллектуально развитого населения на протяжении многих поколений. Более высокий уровень интеллекта привёл к большому экономическому успеху, а больший экономический успех в сочетании с селективным отбором, осуществляемый с помощью институтов брака и семьи, привёл к большому репродуктивному успеху (производству большего числа выживших потомков). Всё это в сочетании с законами человеческой генетики и наследственности со временем привело к появлению населения, которое было более разумным и изобретательным, чем их предки.

Неолитическая и промышленная революции реконструируются как новаторские методы для решения проблемы численности населения, посягающей на уровень жизни, и рассматриваются как крупные интеллектуальные достижения. Третье событие, которое следует объяснить, — изобретение государства. Государство является территориальным монополистом в принятии окончательных решений, и его последовательная трансформация из монархического в демократическое рассматривается как результат последовательных интеллектуальных (моральных и экономических) ошибок, как шаг назад в развитии человеческой рациональности и как растущая угроза достижениям, полученным во время промышленной революции. Государство не может обеспечить того, для чего оно якобы создавалось. Предполагается, что оно вершит справедливость, то есть поддерживает и исполняет закон, но, обладая властью издавать законы, государство может — и неизбежно будет — нарушать закон и трактовать его в свою пользу, таким образом создавая несправедливость и вызывая моральное разложение общества. Государство якобы должно защищать собственность своих подданных от иностранного вторжения, но из-за возможности облагать налогом своих граждан, оно может — и неизбежно будет — экспроприировать собственность этих граждан с целью собственного обогащения. Являясь «защитником экспроприированной собственности», то есть паразитическим институтом, государство всегда будет препятствовать производству богатства и, следовательно, будет способствовать снижению доходов населения.

Я надеюсь внести небольшой вклад в старую традицию великой социальной теории и сделать более понятным ход человеческой истории от её начала до настоящего времени.

Глава 1. О происхождении частной собственности и семьи

I. Начало: история

Можно начать вести отсчёт истории человечества пять миллионов лет назад, когда человеческая ветвь эволюции отделилась от линии нашего ближайшего нечеловеческого родственника — шимпанзе. Также разумно начать её 2,5 миллиона лет назад, когда появился *Homo habilis*; или 200 000 лет назад, когда появился первый представитель «анатомически современного человека»; или 100 000 лет назад, когда «анатомически современный человек» стал доминирующим человеческим видом. Вместо этого я хотел бы начать с отметки в 50 000 лет назад, когда «анатомически современный человек» эволюционировал в «поведенчески современного человека» [1].

«Поведенчески современный человек» относится к охотникам-собираателям, стоянки которых сохранились по сей день. Судя по археологическим данным, люди, жившие 100 000 лет назад, всё ещё были в значительной степени неумелыми охотниками. Они не умели охотиться на крупных и опасных животных и, по-видимому, не умели ловить рыбу. Их орудия почти всегда производились из подручных материалов (в основном камня и дерева), что указывало на отсутствие каких-либо дальних путешествий или развитой торговли. Примерно 50 000 лет спустя люди стали пользоваться новыми инструментами. Помимо камня и дерева, они начали использовать кости, рога, зубы, раковины; причём судя по местам находок, эти материалы привозились издалека. Инструменты, включая ножи, иглы, зазубренные наконечники, булавки, свёрла и лезвия, стали более сложными и искусно обработанными. Метательная техника была значительно усовершенствована и свидетельствовала о развитых охотничьих навыках (хотя луки были изобретены только около 20 000 лет назад). Кроме того, человек научился ловить рыбу и строить лодки. Более того, рядом с простыми, функциональными инструментами появились, казалось бы, чисто художественные предметы: украшения, статуэтки и музыкальные инструменты, такие как флейты из птичьей кости.

Предполагается, что это знаменательное событие стало возможным благодаря генетическим изменениям, которые способствовали появлению языка, что, в свою очередь, привело к кардинальному улучшению способности человека к обучению и инновациям. Архаичные люди — *Homo ergaster*, *Homo neanderthalensis*, *Homo erectus* — не владели языком на том же уровне. Конечно, можно с уверенностью предположить, что они, как и многие высшие животные, использовали две так называемые низшие функции языка: экспрессивную, или симптоматическую, и триггерную, или сигнальную [2]. Однако они, по-видимому, были неспособны выполнять две высшие когнитивные функции языка: описательную и, особенно, аргументативную. Существование этих способностей у тех, кто обладает ими, невозможно отрицать, не впадая в логическое противоречие. Благодаря им человек стал обладать способностью формировать простые описательные утверждения (пропозиции), такие как «это (субъект) есть "А" (предикат)» и представлять аргументы (цепочки пропозиций), такие как «это А; каждое А есть В; следовательно, это В». Судя по всему, эти способности появились только около 50 000 лет назад [3].

Без языка координация между людьми происходила с помощью немногочисленных инстинктов или посредством физических манипуляций; обучение происходило либо через подражание, либо посредством внутренних (неявных) умозаключений. С появлением языка — то есть звуков, связанных (в том числе логически) с

определёнными объектами и понятиями, — координация стала возможной с помощью простых символов; обучение стало независимым от чувственных впечатлений (наблюдений), а выводы могли быть сделаны по внешним признакам (явно) и, следовательно, стали интерсубъективно воспроизводимыми и поддающимися проверке. Посредством языка увеличились способы передачи знаний, так как появилась возможность общаться о вещах (приобретённых и накопленных знаниях), которые не находились в непосредственной близости говорящих. Поскольку процесс рассуждения, приводящий нас к определённым выводам и заключениям, «объективировался» во внешних интерсубъективно устанавливаемых аргументах, появилась возможность публичной критики, улучшения и корректировки собственных умозаключений. Поэтому неудивительно, что одновременно с появлением языка произошли революционные изменения в области технологий.

Согласно оценкам, около 100 000 лет назад численность населения «современных людей», наших непосредственных предшественников, составляла около 50 000 человек. Люди были расселены по всему Африканскому континенту и на Ближнем Востоке (территории современного Израиля) [4]. Примерно от 80 000 до 70 000 лет назад Земля пережила значительный период охлаждения. В результате неандертальцы, жившие в Европе, которые на протяжении многих тысячелетий приспособились к холодному климату, мигрировали на юг, где столкнулись со своими африканскими родственниками и, по-видимому, уничтожили многих из них. Кроме того, продолжительный период засухи, начавшийся около 60 000 лет назад, лишил «современного человека» значительной части его средств к существованию, так что 50 000 лет назад число «современных людей», возможно, не превышало и 5000, и проживали они только на территории Северо-Восточной Африки [5].

Однако с тех пор увеличение количества «современных людей» было непрерывным: люди распространялись по всему земному шару и в конечном итоге вытеснили всех своих архаичных родственников. Считается, что последние неандертальцы, скрывавшиеся в пещерах близ Гибралтара, вымерли около 25 000 лет назад. Последним найденным на индонезийском острове Флорес останкам *Homo erectus* примерно 13 000 лет.

«Современные люди» вели кочевой образ жизни охотников-собирателей. Общества состояли из небольших групп людей (10-30 человек), которые иногда образовывали группы примерно из 150 человек, максимум до 500 индивидов (размер, который генетики считают необходимым для того, чтобы избежать дисгенных эффектов) [6]. Разделение труда было ограниченным, в основном между женщинами, которые занимались собирательством, и мужчинами, которые занимались охотой. В то время как частная собственность на орудия труда уже существовала, кочевой образ жизни допускал лишь небольшое её количество и, следовательно, делал общества охотников-собирателей сравнительно эгалитарными [7]. Тем не менее, судя по всему, наши предки вели весьма беззаботную жизнь [8]. Для собственных нужд хватало нескольких часов регулярной работы, которая обеспечивала достаточное количество пищи (с высоким содержанием белка). Ископаемые находки (скелеты и зубы) указывают на то, что их средняя продолжительность жизни была значительно выше 30 лет — такого показателя люди вновь смогли достичь лишь в XIX веке [9]. В отличие от предположений Гоббса, их жизнь не была одинокой, бедной, неприятной, жестокой и короткой [10].

Однако люди столкнулась с фундаментальной и, в конечном счёте, неразрешимой проблемой. Общества охотников-собирателей вели, по существу, паразитический образ жизни, то есть они ничего не добавляли к данному природой запасу ресурсов, но лишь уменьшали их количество. Они не производили (за исключением нескольких инструментов), а только потребляли. Очевидно, что эта форма паразитизма была связана с неизбежной проблемой роста населения. Чтобы обеспечить только что описанную комфортную жизнь, плотность населения должна была оставаться крайне низкой. Было подсчитано, что для комфортного проживания одного-двух человек требовалась плодородная территория, равная квадратной миле [11]. Так что же делать, когда численность населения начинала превышать допустимый порог?

Люди, конечно, могли пытаться предотвратить возникновение этой демографической проблемы. Действительно, общества охотников-собирателей предпринимали определённые действия для её преодоления: они проводили аборты, занимались детоубийством (особенно детей женского пола) и специально снижали женскую фертильность. Тем не менее население продолжало увеличиваться, ведь подобные меры лишь смягчали проблему, но не решали её полностью.

Учитывая, что численность населения не может поддерживаться на одном уровне, существуют только три варианта для неуклонно растущего «избыточного» населения: бороться за ограниченные ресурсы, мигрировать или изобрести и принять новый технологически продвинутый способ организации общества, который позволил бы большему населению выживать на одной территории.

Что касается первого варианта, то есть борьбы, то достаточно сделать несколько замечаний. Зачастую первобытного человека описывают как миролюбивого и живущего в гармонии с природой — наиболее популярным является представление о «благородном дикаре» Руссо. Якобы агрессия и войны стали результатом цивилизации, созданной на основе института частной собственности. На самом деле всё обстоит почти с точностью до наоборот [12]. Действительно, дикость современных войн породила беспрецедентные бои. Только в ходе мировых войн в XX веке были уничтожены десятки миллионов людей, целые страны остались в руинах. И всё же, как показывают антропологические данные, первобытный человек был значительно более воинственным, нежели современный человек. По оценкам, в среднем около 30% всех самцов в первобытных обществах охотников-собирателей погибали от неестественных, то есть насильственных причин, что намного выше данного показателя в современных обществах [13]. По оценкам Кили, племенные общества в среднем ежегодно теряли в боях около 0,5% своего населения [14]. Применительно к современной эпохе, общий уровень потерь в войнах за XX век в таком случае был бы равен примерно двум миллиардам человек. При этом, по текущим оценкам, количество погибших в сражениях составило «всего» несколько сотен миллионов. Конечно, примитивная война сильно отличалась от современной. Она велась не с помощью регулярных войск, которые боролись на полях сражений, а с помощью рейдов, засад и внезапных нападений. Однако каждое нападение характеризовалось чрезвычайной жестокостью и зачастую оканчивалось смертельным исходом для проигравшей стороны; и хотя число убитых могло быть небольшим, постоянные агрессивные столкновения

между людьми означали, что насильственная смерть была реальной угрозой для каждого мужчины (а похищения и изнасилования — для каждой женщины) [15]. Более того, в последнее время появляется всё больше свидетельств существовавшей в те времена практики каннибализма. Похоже, что когда-то каннибализм был почти повсеместным явлением [16].

Военные находки первобытных сообществ не являются антропологическими курьёзами. Существуют фундаментальные причины, по которым такие общества характеризовались непрекращающимися войнами, а мирные отношения были практически невозможны. В частности, это связано с полной занятостью всей ближайшей полезной территории. По этой причине конфликты различных членов племён во время экспедиций в поисках растений или животных происходили на регулярной основе. Действительно, по мере увеличения численности населения подобные стычки становились всё более частыми. А поскольку охотники и собиратели не производили новых благ, а лишь потребляли то, что давала природа, то их конкуренция за еду должна была носить антагонистический характер: или я собираю ягоды и охочусь на то или иное животное, или это делаете вы. Торговля и обмен между членами разных племён либо отсутствовали, либо были незначительными, потому что члены одного племени занимались, по сути, той же деятельностью, что и члены любого другого племени, и ни у кого не накапливалось излишков товаров, которые можно было обменять. Количество конфликтов увеличивалось вместе с численностью населения в каждом племени. В этой ситуации, когда всё присваиваемое одним человеком (или племенем) сразу же потреблялось, а общее предложение товаров было строго ограничено, между людьми мог существовать только смертельный антагонизм. По словам Людвиг фон Мизеса, люди становились «смертельными врагами друг друга и непримиримыми соперниками в своих попытках обезопасить часть скудных запасов, предоставляемых природой». Каждый человек был вынужден рассматривать других людей как своих врагов; его стремление к удовлетворению собственных интересов приводило его к непримиримому конфликту со всеми соседями. Никакое сочувствие к чужакам не могло развиваться при таком положении вещей [17]. Только смерть соперника была решением проблемы собственного выживания. Посяда чужой жизни оставляла возможность для увеличения соперником потомства, что лишь уменьшало шансы на выживание [18].

Вторым возможным вариантом решения постоянно возникающей проблемы переизбытка населения была миграция. Хотя она была связана с затратами — в конце концов, нужно было оставить знакомые территории ради незнакомых — миграция (по сравнению с борьбой), должно быть, часто являлась менее дорогостоящим вариантом решения проблемы дефицита ресурсов.

По-видимому, этот процесс начался около 50 000 лет назад, вскоре после появления современного человека и освоения техники создания лодок. Примерно с этого времени и до отметки в 12 000-11 000 лет назад глобальная температура и уровень моря постепенно падали (с тех пор мы находимся в межледниковом периоде потепления) [19]. Люди пересекли Красное море у Врат скорби, которые тогда были всего лишь узкой полоской воды, усеянной островами, чтобы высадиться на южной части Аравийского полуострова (где в то время был сравнительно влажный климат). С этого момента, предпочитая оставаться в тропических климатических зонах, миграция продолжилась на восток. Она происходила вдоль береговой линии

— а оттуда вглубь через речные долины — до самой Индии. Отсюда, как показывают генетические данные, движение населения разделилось по двум направлениям. С одной стороны, миграция происходила вокруг Индийского полуострова в Юго-Восточную Азию и Индонезию и затем к затонувшему бывшему континенту Сахул (Австралии, Новой Гвинее и Тасмании, которые были соединены примерно 8000 лет назад), а также на север вдоль побережья в Китай и, в конечном счёте, в Японию. В те времена Индонезия была соединена с Азией, а Сахул был отделён от материка только стокилометровым каналом воды, усеянным островами. С другой стороны, миграционный процесс шёл из Индии в северо-западном направлении, через Афганистан, Иран, Турцию и, наконец, Европу. Также часть людей устремилась на северо-восток в Южную Сибирь. Более поздние миграции, первая из которых произошла около 14 000-12 000 лет назад, берут своё начало в Сибири и идут через Берингов пролив (примерно до 11 000 лет назад) по сухопутному мосту на американский континент, по-видимому, достигнув Патагонии только 1000 лет спустя (археологические находки человеческих останков на юге Чили датируются 12 500 годами). Другой миграционный маршрут пролегал из Тайваня, который был заселён около 5000 лет назад, пересекая Тихий океан, чтобы достичь полинезийских островов, и, наконец, только около 800 лет назад — Новой Зеландии [20].

Процесс по сути был всегда одним и тем же: группа заселяла какую-то территорию, давление на население возрастало, некоторые люди оставались на месте, подгруппа двигалась дальше, поколение за поколением, вдоль береговой линии, следуя за реками и дичью, избегая пустынь и высоких гор. Миграция из Африки в Австралию, возможно, заняла около 4000-5000 лет, а миграция в Европу — 7000 лет (самым древним артефактам, приписываемых современным людям, найденным в Болгарии, примерно 43 000 лет). Ещё 7000 лет понадобилось, чтобы добраться до западной части Испании [21]. Однажды разделившись между различными обществами, охотники-собиратели практически не контактировали между собой. Следовательно, хотя эти общества имели прямые родственные связи, со временем они сформировали отдельные генофонды и, столкнувшись с различной природной средой и в результате мутаций и генетического дрейфа, взаимодействовавших с естественным отбором, с течением времени различия между ними лишь увеличились [22]. Групповые генетические различия увеличивались в зависимости от расстояния и продолжительности времени их разделения. Эти различия касались цвета кожи, физического телосложения, устойчивости к холодным температурам и заболеваниям, а также толерантности к определённым веществам. Однако они также касались интеллектуальных способностей. Генетические данные свидетельствуют о двух важных изменениях, касающихся размеров и когнитивных способностей человеческого мозга. Одно из таких событий произошло около 37 000 лет назад и затронуло большую часть населения Европы и Восточной Азии (но оставило очень мало следов в Африке), а другое произошло около 6000 лет назад и затронуло главным образом население Ближнего Востока и Европы (но оказало меньшее воздействие в Восточной Азии и почти не затронуло население Субсахарской Африки) [23].

Также параллельно увеличивалась языковая дифференциация. В значительной степени опираясь на генетические исследования, некоторые лингвисты, в частности Мерритт Рухлен [24], следуя по стопам новаторской работы Джозефа Гринберга, привели убедительные доводы в пользу единого человеческого протоязыка.

Очевидно, что коренные эмигранты с африканской родины около 50 000 лет назад говорили на одном и том же языке, и поэтому неудивительно, что вышеупомянутая миграция населения и разделение групп людей на различные генетические подгруппы должно быть тесно связано с увеличением числа языков и формированием разных семейств языков [25]. Аналогичным образом процесс распространения языков, по-видимому, следует предсказуемой модели. Во-первых, с распространением людей по всему миру и сопутствующим распространением отдельных, разделённых друг от друга генетических групп, постепенно возникало всё большее число языков. Так, например, из 6000 различных «живых» языков, примерно на 1200 говорят только в Новой Гвинее, одном из самых «примитивных» регионов мира. При этом число носителей половины языков в Новой Гвинее не превышает «магического» числа в 500 человек, даже на самом популярном из этих 1200 языков не говорит больше 100 000 человек. Вероятно, с началом миграции людей около 11 000 лет назад и переходом к земледелию и разделению труда возникла тенденция уменьшения числа языков.

II. Проблема: теория

Около 35 000 лет назад, то есть через 15 000 лет после первоначального исхода из Африки, практически вся Европа, Азия, Австралия и, конечно, сама Африка были заселены нашими предками, современными и архаичными людьми: *Homo neanderthalensis* и *Homo erectus*, находившимися на грани вымирания. Около 12 000 лет назад люди распространились по всей Америке. Таким образом, за исключением Полинезийских островов, вся земля и все естественные запасы земных (экономических) благ (растений и животных) стали собственностью человека; учитывая паразитический образ жизни охотников-собирателей, люди не увеличивали запас товаров, а лишь реагировали на естественные изменения природных ресурсов.

Временами эти изменения были довольно кардинальными. Климатические изменения, например, могут существенно повлиять на количество пригодных для жизни земель, а также на естественную растительность и популяцию животных. В рассматриваемый период времени в 20 000 с лишним лет (от 35 000 до 11 000 лет назад) произошли радикальные изменения природных условий. Например, 20 000 лет назад, в период, известный как последний ледниковый максимум, температура резко упала, и большая часть Северной Европы и Сибири стали непригодны для жизни. Британия и Скандинавия были покрыты ледниками, большая часть Сибири превратилась в полярные пустыни, а степи-тундры простирались на юг до Средиземного, Чёрного и Каспийского морей. Через 5000 лет, около 15 000 лет назад, ледники начали отступать, позволяя людям, животным и растениям вновь занять пустынные районы. Однако 2500 лет спустя температура снова резко упала почти до прежних холодных условий всего за десятилетие; и только ещё через 1000 лет, около 11 500 лет назад, температура снова неожиданно стала повышаться, и Земля вступила в так называемый голоцен, последний и всё ещё продолжающийся межледниковый период потепления [26]. (Сахара начала превращаться в полноценную, чрезвычайно жаркую пустыню менее 3000 лет назад. В доримскую эпоху Сахара — как и центральноазиатские пустыни — всё ещё была зелёной саванной. Мощь и привлекательность Карфагена как центра производства пшеницы основывались главным образом на плодородии его внутренних районов; этот факт

был важной причиной стремления Рима уничтожить Карфаген и получить контроль над его североафриканскими территориями [27].)

В любом случае, несмотря на новые факты, которые будут появляться по мере увеличения количества эмпирических исследований, очевидно, что в какой-то момент вся пригодная территория стала занята. Выражаясь экономическим языком, предложение фактора производства «земля» стало фиксированным, и увеличивающаяся численность населения должна была использовать одинаковое количество земли. Из трёх ранее доступных вариантов в ответ на растущее увеличение населения: мигрировать, сражаться или изобретать, только два последних оставались открытыми. Что делать, когда сталкиваешься с *такой* проблемой? Для ответа на вопрос будет полезно более подробно рассмотреть довольно ограниченный уровень разделения труда в обществе охотников-собирателей.

Мы объяснили антагонизм между членами различных групп или кланов, но ранее считалось само собой разумеющимся, что люди в одной группе или клане не склонны к конфликтам. Но почему это должно быть так? Внутригрупповое сотрудничество почти повсеместно считается само собой разумеющимся. Тем не менее это положение дел необходимо объяснить, потому что можно представить мир и без сотрудничества. Конечно, существует биологическая основа для некоторых форм человеческого сотрудничества. «Взаимное сексуальное влечение мужчины и женщины, — пишет Мизес, — присуще животной природе человека и не зависит от какого-либо мышления и теоретизирования. Допустимо называть его естественным, животным, инстинктивным или мистическим» [28]. То же самое можно сказать и об отношениях между матерью и ребёнком. Если матери не будут заботиться о своём потомстве в течение длительного периода времени, их дети умрут, а человечество будет обречено на вымирание. Однако эта необходимая, биологически обусловленная степень сотрудничества очень далека от той, которая действительно наблюдается в обществах охотников-собирателей. Животные тоже объединяются для спаривания, но у них не развиты социальные отношения. Семейная жизнь — это не просто продукт полового акта. Отнюдь не естественно и не обязательно, чтобы родители и дети жили вместе так, как они живут в семье. Сексуальные отношения не обязательно приводят к образованию семьи. Человеческая семья — это результат мышления, планирования и действий. Именно этот факт радикально отличает человеческую семью от того, что мы по аналогии называем семьями животных.

На то есть три причины: во-первых, существуют задачи, которые превышают возможности любого отдельного человека и требуют объединения усилий нескольких людей для их выполнения. Некоторые животные, например, могут быть слишком большими или слишком опасными, чтобы на них охотились в одиночку. Также существуют задачи, которые может выполнить один человек, но которые заняли бы так много времени, что конечный результат не стоил бы затраченных усилий. Лишь благодаря согласованным действиям можно выполнить эти задачи за достаточно короткий промежуток времени, который можно считать приемлемым. Поиск съедобных растений или животных, например, чреват неопределённостью. В один день можно быстро найти подходящие растения или животных, а в другой — тщетно искать их, казалось бы, без конца. Но если распределить риск между группой, то собирательство и охота будут проходить эффективнее [29].

Во-вторых, хотя природная среда, с которой сталкивается человек, может быть более или менее одинаковой, индивиды (даже однояйцевые близнецы) отличаются друг от друга. Например, мужчины значительно отличаются от женщин. В силу биологических различий мужчины обычно лучше охотятся, а женщины — лучше собирают. Взрослые значительно отличаются по своим способностям от детей. Некоторые люди сильнее, а другие — более ловкие. Одни высокие, другие быстрые. У одних отличное зрение, у других хорошее обоняние. Учитывая такие различия, очевидна выгода от разделения задач таким образом, чтобы каждый человек специализировался на тех видах деятельности, в которых он имеет сравнительное преимущество перед другими. Женщины заняты собирательством, а мужчины — охотой. Высокие собирают плоды с деревьев, а низкорослые специализируются на поиске грибов. Быстрые становятся гонцами. Дети занимаются исследованием маленьких и узких нор. Наиболее ловкие занимаются производством орудий. Сильные будут специализироваться на охоте. И так далее.

В-третьих, даже если члены одного племени настолько отличаются друг от друга, что один человек более эффективен во всех мыслимых задачах, чем другой, разделение труда всё равно оказывается более продуктивным, чем индивидуальный труд. Например, взрослый может справиться с любой задачей лучше, чем ребёнок. Однако, учитывая ограниченность времени, даже в этом наихудшем сценарии, в разделении труда есть экономический смысл: если взрослый будет специализироваться на тех задачах, в которых он наиболее эффективен (по сравнению с ребёнком), и оставит ребёнку те задачи, в которых общая более низкая эффективность последнего сравнительно меньше, то это приведёт к большему выпуску товаров на единицу труда. Даже если взрослый может быть более эффективным, чем ребёнок, например, в сборе небольших дров, гораздо большее превосходство взрослого в охоте на крупную дичь сделает для него сбор дров пустой тратой времени. Вместо этого он предпочтёт, чтобы ребёнок собирал дрова, а сам он использовал все своё драгоценное время для выполнения той задачи, в которой его эффективность особенно заметна, — охоты на крупную дичь.

Хоть преимущества, предлагаемые разделением труда, и могут объяснить внутриплеменное сотрудничество, они не смогут объяснить постепенное развитие чувства симпатии (доброй воли) к своим ближним, которое выходит за пределы круга близких родственников. Этот феномен не получится объяснить даже если мы предположим, что чувство симпатии выросло из изначально «эгоистически мотивированного» сотрудничества людей внутри одной группы. Учитывая паразитическую природу обществ охотников-собирателей и предполагая, что количество земли является ограниченным, неизбежно должен наступить момент, когда число людей превысит оптимальный размер группы и средний уровень жизни упадёт, угрожая внутригрупповой солидарности, которая ранее могла существовать [30].

Эта ситуация может быть объяснена экономическим законом отдачи.

Закон отдачи, который несколько ошибочно называют законом убывающей отдачи, гласит, что для любой комбинации двух или более факторов производства есть оптимальная (такая, что любое отклонение от неё влечёт за собой материальные убытки или потерю эффективности) [31]. Применительно к двум первоначальным

факторам производства, труду и земле (природным благам), закон подразумевает, что если бы количество труда (населения) увеличивалось, а количество земли и доступные технологии (охота и собирательство) оставались бы неизменными, в конце концов будет достигнута точка, в которой физическая производительность на единицу труда будет максимизирована. Эта точка указывает на оптимальный размер популяции. Если нет дополнительной земли и технология остаётся фиксированной на «заданном» уровне, любое увеличение населения сверх оптимального размера приведёт к снижению дохода на душу населения. Уровень жизни в среднем будет падать. Достигнута точка (абсолютного) перенаселения. Это, как выразился Мизес, мальтузианский закон народонаселения.

Во избежание любых возможных недоразумений стоит упомянуть, чего закон не устанавливает. Закон не утверждает, где именно находится эта оптимальная точка, он говорит лишь о том, что такая точка существует. В противном случае, если бы каждое количество продукции могло быть произведено путём увеличения только одного фактора (труда), оставляя при этом неизменным другой (землю), последний (земля) перестал бы быть дефицитным и, следовательно, экономическим благом вообще; можно было бы неограниченно увеличить отдачу любого участка земли, просто увеличив затраты труда, приложенного к этому участку, не думая об увеличении количества земли. Закон также не утверждает, что каждое увеличение одного фактора (труда), применяемого к фиксированному количеству другого (земли), должно приводить к менее пропорциональному увеличению произведённой продукции. На самом деле, по мере приближения к точке оптимального сочетания, выпуск продукции может быть увеличен. Ещё один человек, например, может сделать возможным охоту на вид животных, на которых вообще нельзя охотиться без его участия. Закон отдачи просто утверждает, что это не может произойти без определённых ограничений. Закон также не утверждает, что оптимальная точка комбинации не может быть перемещена. На самом деле, как будет объяснено далее, благодаря технологическому прогрессу оптимум может достигнуть того уровня, который позволит всё большему количеству людей наслаждаться высоким уровнем жизни при том же количестве земли. Закон отдачи говорит лишь о том, что при заданном уровне технологического развития (способе производства) и степени специализации существует оптимум, за которым увеличение предложения рабочей силы неизбежно должно привести к меньшему увеличению произведённой продукции.

Для охотников-собирателей препятствия на пути выхода из мальтузианской ловушки довольно серьёзны. Хотя может показаться, что для её преодоления требуются лишь технологические инновации, это не так. Поскольку общества охотников-собирателей являются паразитическими, любое повышение производительности в рамках этого способа производства приводит не к увеличению выпуска производимых товаров (собранных растений или животных, на которых ведётся охота), а лишь (или в основном) к сокращению времени, необходимого для производства неизменного количества продукции. Например, изобретение лука и стрел, которое, по-видимому, произошло около 20 000 лет назад, приведёт не столько к увеличению количества доступного мяса животных для потребления, сколько к увеличению количества свободного времени при неизменном уровне жизни с точки зрения потребления мяса (или же, если население увеличивается, получение большего количества свободного времени придётся оплачивать за счёт сокращения потребления мяса на душу населения).

Фактически, для охотников-собирателей прирост производительности, достигаемый за счёт технологических достижений, таких как изобретение лука и стрел, вполне может оказаться лишь очень кратковременным благословением. Потому что облегчение процесса охоты, которое может привести к увеличению предложения мяса на душу населения, приведёт к сокращению или, возможно, ликвидации предложения мяса в долгосрочной перспективе за счёт сокращения естественного воспроизводства животных вплоть до их вымирания и, таким образом, обострит проблему мальтузианства даже без увеличения численности населения [32].

III. Решение: теория и история

Технологическое изобретение, решившее (по крайней мере временно [33]) проблему перенаселения и сопутствующего ему падения среднего уровня жизни, оказало революционное воздействие на жизнь человечества. Это означало смену образа жизни с паразитического на продуктивный. Вместо того чтобы просто присваивать и потреблять то, что предоставила природа, началось производство потребительских благ.

Это революционное изменение способа производства обычно называют неолитической революцией: переход от получения пищи с помощью охоты и собирательства к её получению за счёт выращивания растений и разведения животных [34]. Неолитическая революция началась около 11 000 лет назад на Ближнем Востоке, в регионе, который обычно называют Плодородным полумесяцем. То же самое позднее — судя по всему, независимо от событий на Ближнем Востоке, — произошло в Центральном Китае менее чем через 2000 лет, а затем снова повторилось несколько тысяч лет спустя (около 5000 лет назад) в Западном полушарии: в Мезоамерике и на востоке Северной Америки.

Новая технология представляла собой две взаимосвязанных институциональных инновации, которые с тех пор стали доминировать в жизни людей: присвоение и использование земли в качестве частной собственности и создание семьи и ведение домашнего хозяйства. Чтобы понять эти институциональные новшества и лежащие в их основе когнитивные достижения, необходимо сначала взглянуть на отношение к земле со стороны обществ охотников-собирателей.

Можно смело предположить, что частная собственность существовала в рамках племенного хозяйства. Частная собственность, безусловно, существовала в отношении таких предметов, как одежда, орудия труда и украшения. В той мере, в какой предметы создавались кем-либо и приобретались у других людей путём дарения и обмена, они считались индивидуальной собственностью. С другой стороны, в той мере, в какой предметы были результатом каких-то согласованных или совместных усилий, они считались коллективной собственностью. Это определённо относилось к средствам существования, которые получали в результате внутриплеменного разделения труда. Таким образом, коллективная собственность, без сомнения, играла весьма заметную роль у охотников-собирателей, и именно поэтому термин «первобытный коммунизм» часто использовался для описания примитивных племенных хозяйств: каждый индивид вносил свой вклад в доход домохозяйства «по способностям», и каждый получал от

коллективного дохода «по потребностям» — что не сильно отличается от коммунизма в «современных» коммунах.

Но что было с землёй, на которой происходила групповая деятельность? Можно смело исключить, что в обществах охотников-собирателей земля считалась частной собственностью. Но была ли она коллективной собственностью? Обычно предполагалось, что да — это считалось само собой разумеющимся. Однако этот вопрос весьма сложен, поскольку существует третья альтернатива: земля не была ни частной, ни коллективной собственностью, а вместо этого представляла собой часть окружающей среды, так называемой «общей собственностью» [35].

Для нахождения ответа антропологические исследования будут малополезны. Чтобы найти его, потребуется понимание экономики. Внешний мир можно разделить на две категорически различные части. С одной стороны, есть вещи, которые считаются экономическими благами (economic goods); а с другой стороны, есть те вещи, которые иногда несколько ошибочно называют свободными благами (free goods). Требования, предъявляемые к элементу внешнего мира как к экономическому благу, были впервые определены экономистом Карлом Менгером [36]. Во-первых, для того чтобы что-то стало экономическим благом (отныне просто: благом), должна существовать человеческая потребность (недостигнутая цель или неосуществлённое человеческое желание). Во-вторых, должно быть понимание причинной связи между вещью и потребностью, которую вещь может удовлетворить. В-третьих, и это самое важное в данном контексте, элемент внешнего мира, воспринимаемый таким образом, должен находиться под контролем человека, чтобы его можно было использовать (активно и сознательно) для удовлетворения данной потребности (достижения искомой цели). Мизес пишет: «Вещь становится средством, когда человеческий разум планирует использовать её для достижения какой-либо цели и с помощью действий использует её с данной целью» [37]. Таким образом, только в этом случае можно сказать, что эта сущность стала благом и, следовательно, является чьей-то (частной или коллективной) собственностью. Если, с другой стороны, никто не может (или считает, что не может) контролировать какой-то предмет, то эта вещь должна считаться частью не присвоенной окружающей среды и, следовательно, не является чьей-либо собственностью. Так, например, солнечный свет, атмосферное давление или гравитационные силы могут оказывать причинно-следственное воздействие на определённые цели, но поскольку человек не способен контролировать эти силы природы, они являются просто условиями действия, а не частью какого-либо действия. Например, дождевая вода причинно-следственно связана с прорастанием некоторых съедобных грибов, и эта причинно-следственная связь может быть хорошо известна. Однако если не совершать никаких действий с дождевой водой, то её нельзя считать принадлежащей кому-либо; это может быть фактором, способствующим производству, но, строго говоря, это не производственный фактор как таковой. Только если происходит фактическое вмешательство, например, если дождевую воду начали собирать в ведро или цистерну, она становится чьей-то собственностью и фактором производства.

На фоне этих соображений можно перейти к рассмотрению вопроса о статусе земель в обществе охотников-собирателей [38]. Конечно, ягоды, сорванные с куста, были собственностью; но как насчёт самого куста, который находится в причинно-следственной связи с собранными ягодами? Присвоение кусту статуса

собственности и подлинного производственного фактора произошло только после умышленного вмешательства человека в естественный причинно-следственный процесс, например, за счёт полива куста или подрезания его ветвей, чтобы получить определённый результат (увеличение урожая ягод выше уровня, который был бы достигнут естественным путём). Как только куст ягод путём ухода за ним стал чьей-то собственностью, будущий урожай также стал таковым, в то время как раньше собственностью были лишь фактически собранные ягоды; более того, как только статус куста был изменён за счёт его полива для увеличения будущего урожая ягод, земля, на которой находился куст, также получила статус собственности.

Точно так же нет никакого сомнения в том, что преследуемое животное было собственностью группы охотников; но как быть со стадом или стаей, частью которого было это животное? Исходя из наших предыдущих соображений, стадо не должно считаться частью собственности до тех пор, пока человек не сделал ничего, что могло бы быть интерпретировано как осуществление плана по удовлетворению собственной потребности. Стадо становилось собственностью только после того, как выполнялось требование вмешательства в естественную цепь событий с целью получения желаемого результата. Так бы произошло, например, если бы человек стал заниматься скотоводством, то есть как только он активно попытался бы контролировать движение стада. Тогда пастух мог бы считаться не только владельцем стада, но и владельцем будущего потомства стада.

Но как быть с землёй, на которой находится стадо? Согласно нашей теории, пастухи не могли считаться собственниками земли, по крайней мере автоматически, без выполнения дополнительного требования. Так как пастухи лишь направляют движение стада, их вмешательство в природу ограничено тем, чтобы удерживать стадо вместе. Однако пастухи не производили никаких целенаправленных действий с землёй. Земля становится собственностью только после того, как пастухи начали заниматься скотоводством, то есть когда они начинали относиться к земле как к (дефицитному) средству. Это происходило только когда земля окаймлялась за счёт постройки препятствий (например, траншеи или забора), которые ограничивали животных в передвижении. Таким образом земля становилась подлинным фактором производства.

Эти соображения показывают, что ошибочно думать о земле как о коллективной собственности обществ охотников-собирателей. Охотники не занимались скотоводством, а собиратели не занимались земледелием. Они не осуществляли контроль над флорой и фауной, а лишь использовали то, что было создано природой. Таким образом, земля была лишь условием деятельности, а не их собственностью.

В лучшем случае, лишь небольшие участки земли становились коллективной собственностью, если они использовались в качестве постоянных мест хранения излишков товаров и в качестве убежищ, в то время как прилегающие территории продолжали оставаться бесхозными.

Таким образом, можно сказать, что решающим шагом на пути к (временному) преодолению мальтузианской ловушки, с которой столкнулись общества охотников-собирателей, было установление прав собственности на землю. На фоне падения

уровня жизни в результате перенаселения члены племени (по отдельности или коллективно) последовательно присваивали себе всё больше и больше ранее никому не принадлежавшей земли. В основе мотивации этого присвоения окружающих земель — и превращения бывших складов и укрытий в жилые центры сельского хозяйства и животноводства — был интеллект. Как заметил Майкл Харт, «идея культивации растений, их защиты и сбора урожая не является очевидной или тривиальной, и для понимания этой идеи требуются значительные интеллектуальные способности». Ни обезьяны, ни *Australopithecus*, ни *Homo habilis*, ни *Homo erectus*, ни даже архаичные *Homo sapiens* никогда не задумывались об этом [39].

Раньше все потребительские блага присваивались путём охоты или собирательства. Но при использовании методов сельского хозяйства и животноводства потребительские блага приобретались косвенным способом: путём их производства за счёт сознательного контроля над земельными участками. Это стало возможным благодаря пониманию того, что потребительские товары (растения и животные) не просто даны, но что существуют естественные причины, влияющие на их предложение, и что этими естественными причинами можно манипулировать, если получить контроль над землёй. Новый способ производства требовал большего времени для достижения конечной цели, но он был более производительным и вёл к увеличенному выпуску потребительских товаров (продуктов питания), что позволяло увеличивать численность населения без падения уровня жизни (на одинаковом количестве земли) [40].

Пригодные для употребления семена и плоды теперь не просто собирались (и, возможно, хранились), но начали активно использоваться с целью культивации. Кроме того, семена и плоды отбирались по размеру, сроку годности, лёгкости сбора урожая и не употреблялись в пищу, а использовались с целью культивации, в результате чего за сравнительно короткий промежуток времени — возможно, от двадцати до тридцати лет, — были выведены новые, одомашненные сорта растений со значительно повышенной урожайностью на единицу земли. Среди таких растений на Ближнем и Среднем Востоке были различные сорта пшеницы (однозернянка и двузернянка), ячмень, рожь, горох и оливки. В Китае это были рис и просо; гораздо позже в Мезоамерике — кукуруза, бобы и тыква; в Южной Америке — картофель и маниок; в Северо-Восточной Америке — подсолнечник и марь; а в Африке — сорго, рис, ямс и масличная пальма [41].

Процесс одомашнивания животных проходил аналогичным образом, и люди могли использовать опыт, полученный в Сибири при одомашнивании и разведении собак около 16 000 лет назад [42].

Собаки — потомки волков. Волки — отличные охотники. Тем не менее волки также являются падальщиками, и было доказано, что они часто находились поблизости человеческих лагерей в поисках объедков. Те волки, которые меньше всего боялись людей и проявляли наиболее дружелюбное поведение, очевидно, имели эволюционное преимущество. Вероятно, именно потомки таких волков стали первыми домашними животными, когда люди обнаружили, что их можно обучить выполнению различных задач. Люди стали использовать их для охоты на других животных и в качестве тяглого скота, а в случае крайней необходимости они были источником мяса. Самое главное, однако, заключалось в том, что некоторые

из собак могли лаять (волки редко лают), что позволило им выполнять задачу охраны своих владельцев от чужаков и незваных гостей. По всей вероятности, именно это было причиной распространения собак из Сибири по всему миру. Все хотели иметь потомство от этого нового замечательного вида животных, потому что в эпоху постоянных межплеменных войн владение собаками давало большое преимущество [43].

Как только собаки появились на Ближнем Востоке (регионе, который был первым центром человеческой цивилизации), они, вероятно, позволили весьма значительно увеличить экономическое благосостояние людей. Собака давала преимущество охотникам-собираателям, но оказалась ещё более полезной для оседлых поселенцев, так как в оседлых обществах было больше вещей, которые нужно охранять. В обществах охотников-собираателей приходилось опасаться за свою жизнь, однако, поскольку ни один член общества не владел большим количеством собственности, стимулов воровать почти не было. В обществе поселенцев дела обстояли совсем иначе. С начала оседлого образа жизни между членами общества проявились значительные различия в уровне богатства; следовательно, по причине зависти каждый член общины сталкивался с возможностью кражи или уничтожения его имущества другими людьми, в том числе членами его собственного племени [44]. Собаки оказали неоценимую помощь в решении этой проблемы. Немалую роль сыграло то, что собаки привязываются к отдельным хозяевам, а не к людям вообще, или, как кошки, к определённым местам [45]. Поскольку собаки, бесспорно, были собственностью отдельных людей, они оказались крайне полезны в охране частной собственности от захватчиков [46].

Животные ценились по ряду причин: они служили источником мяса, молока, кожи, меха и шерсти, а также могли служить для выполнения различных работ (требующих тяги или перевозки). Однако большинство животных нельзя было приручить [47]. Таким образом, первым и главным критерием отбора животных в качестве домашнего скота была степень их приручаемости. На первом этапе определяли, пригодно ли животное для выпаса. Если да, то это значило, что оно могло быть помещено в загон. Впоследствии можно было проводить искусственный отбор следующего поколения. Наконец, можно было отбирать уже приручённых животных по различным желательным свойствам, таким как размер, сила и так далее, что в конечном итоге приводило к выводу нового вида животного. Первыми крупными млекопитающими, одомашненными на Ближнем и Среднем Востоке (около 10 000 лет назад), были овцы, козы и свиньи (от диких кабанов), а затем крупный рогатый скот (от диких зубров). По-видимому, этот процесс также независимо произошёл в Индии (около 8000 лет назад). Чуть позже (также независимо) произошёл процесс одомашнивания овец, коз и свиней в Китае, где также был выведен вид водяного буйвола (около 6000 лет назад). В Центральной Азии и Аравии были приручены верблюды (около 4500 лет назад). В Андах в Южной Америке одомашнили морских свинок (около 7000 лет назад), лам и альпак (около 5500 лет назад). Особенно важным стало приручение лошади около 6000 лет назад на территории современной России и Украины. Это достижение положило начало революции в наземном транспорте. Ранее человеку приходилось передвигаться по суше пешком, но с момента появления одомашненной лошади и вплоть до XIX века (то есть до изобретения поездов и автомобилей) езда на ней была самым быстрым средством для передвижения по земле. В отличие от приручения собаки, одомашнивание лошади должно было быть повсеместным

явлением, однако этого не произошло. В то время как собаки распространились по всему миру, климатические изменения сделали невозможным повсеместное распространение лошадей. К моменту одомашнивания лошадей Евразия уже была отделена от Северной и Южной Америки, а также от Индонезии, Новой Гвинеи и Австралии слишком широкими водоёмами. По этой причине лошадь появилась в Америке лишь спустя тысячи лет, во время колонизации (дикие лошади, по видимому, существовали на американском континенте, но были истреблены, что сделало одомашнивание невозможным).

Присвоение земле статуса частной собственности, появление сельского хозяйства и животноводства были лишь половиной решения проблемы, вызванной ростом населения. Хотя земля стала использоваться эффективнее, институт землевладения сам по себе никак не повлиял на другую сторону проблемы — продолжающееся размножение. Эта часть проблемы также нуждалась в решении, и им стал институт семьи, который не случайно развивался параллельно с институтом землевладения. Как указывал Мальтус, для решения проблемы перенаселения наряду с институтом частной собственности сексуальные отношения между представителями разных полов должны были подвергнуться фундаментальным изменениям [48].

Какими были отношения между представителями двух полов до этого времени, и какие изменения внёс институт семьи? Непросто дать точный ответ на первый вопрос, но можно определить основные структурные изменения. С точки зрения экономической теории, их можно описать, указав, что выгоды (создание дополнительного потенциального производителя) и издержки (создание дополнительного потребителя) от потомства были интернализированы. То есть произошёл переход от ситуации, когда издержки и выгоды от увеличения потомства накладывались на всех членов общества, к ситуации, когда последствия деторождения стали затрагивать только индивидов-родителей.

Институт стабильных моногамных, а также полигамных отношений между мужчинами и женщинами, который в настоящее время ассоциируется с термином «семья», является довольно новым в истории человечества и долгое время предшествовал институту, который можно определить как «групповой брак» [49]. Отношения между полами на этом этапе человеческой истории не исключали существования временных отношений между мужчиной и женщиной. Каждая женщина считалась потенциальным сексуальным партнёром каждого мужчины, и наоборот. Как отмечал Фридрих Энгельс, опираясь на труд «Древнее общество» Льюиса Генри Моргана, «Каждая женщина принадлежала каждому мужчине и каждый мужчина принадлежал каждой женщине в равной степени» [50].

Энгельс и бесчисленное множество социалистов не заметили в своём прославляющем описании института «свободной любви» (как существовавшего в прошлом, так, предположительно, и в будущем) очевидного факта, что институт семьи оказывает прямое влияние на производство потомства [51]. Как заметил Людвиг фон Мизес: «Несомненно, что даже если социалистическое сообщество может привести к "свободной любви", оно никоим образом не может привести к "свободному рождению"». Мизес подразумевал, что в эпоху до появления эффективных средств контрацепции «свободная любовь» имеет последствия в виде беременности и что деторождение влечёт за собой как выгоды, так и издержки. Этот факт не имеет значения до тех пор, пока выгоды превышают издержки, то есть

пока дополнительный член общества в большей степени является производителем, чем потребителем. Но из закона отдачи следует, что эта ситуация не может длиться вечно. Неизбежно должен наступить момент, когда затраты от дополнительного потомства превысят выгоды. Тогда любое дальнейшее размножение должно быть остановлено с помощью моральных ограничений, если только человек не хочет, чтоб снизился средний уровень его жизни. Однако если дети считаются всеобщими или ничьими, потому что все вступают в сексуальные отношения друг с другом, то стимул воздерживаться от продолжения рода исчезает или, по крайней мере, значительно уменьшается. Инстинктивно, в силу биологической природы, люди стремятся к распространению своих генов. Чем больше потомства вы создадите, тем больше ваших генов будет передано потомкам. Без сомнения, этот естественный человеческий инстинкт можно контролировать с помощью разума. Но если для удовлетворения природных инстинктов не нужно идти на экономические жертвы, поскольку все расходы от содержания детей перекладываются на общество в целом, то у индивидов не будет существовать стимулов для ограничения своих сексуальных потребностей и воздержания.

Таким образом, с чисто экономической точки зрения решение проблемы перенаселения представляется очевидным. Права собственности на детей или, вернее, опека над детьми должна быть приватизирована. Вместо того чтобы рассматривать детей как коллективно принадлежащих обществу или считать рождение детей неконтролируемым естественным событием, они должны находиться на частном попечении. Как впервые проницательно заметил Томас Мальтус, именно такой результат достигается с помощью института семьи: «Самым естественным и очевидным ограничением (в отношении населения), по-видимому, является необходимость заботиться о собственных детях. В таком случае можно ожидать, что человек не станет способствовать появлению потомства, если у него нет средств на содержание детей. В противном случае он столкнётся с приносящими позор и неудобство проблемами, однако последствия такого решения лягут на самого индивида, который обрёл себя и невинных детей на нищее существование. Институт брака или, по крайней мере, обязательство каждого мужчины содержать своих собственных детей, по-видимому, является естественным решением описанных нами проблем» [52].

С образованием моногамных и полигамных семей появилось ещё одно новшество. Ранее члены племени вели единое домашнее хозяйство, но с образованием семей оно распалось на отдельные единицы вместе с появлением частной собственности на землю. Таким образом, описанное ранее присвоение земли закреплялось за отдельными домохозяйствами (что позволило возникнуть межхозяйственному разделению труда).

Увеличение доходов, ставшее возможным благодаря правам собственности на землю, перестало распределяться в соответствии с принципом «каждому по потребностям». Доход каждого домохозяйства стал зависеть от его экономической деятельности. Другими словами, первобытный коммунизм, который мог сохраняться на уровне семьи, исчез как отношение между представителями разных семей. Доходы различных домохозяйств различались в зависимости от количества и качества вложенного труда и собственности, и никто не имел права претендовать на чужой доход, заработанный другой семьёй. Таким образом, иждивенчество стало во

многим, если не полностью, невозможным. Тот, кто не работал, больше не мог рассчитывать на то, что будет есть [53].

Права частной собственности и моральное воздержание позволили естественным образом регулировать количество потомства, придя на замену борьбе за существование между людьми (как это происходит в растительном и животном царстве) [54].

Создав сначала несколько постоянных мест хранения и укрытия, а затем, шаг за шагом, присвоив всё больше и больше окрестных земель для сельскохозяйственного производства и разведения скота, бывшие склады и укрытия превратились в обширные поселения, состоящие из домов и деревень, занятых отдельными семьями. Новый образ жизни людей Ближнего и Среднего Востока, а также других регионов первоначального расселения людей, начал распространяться вовне, медленно, но неизбежно [55]. В принципе, можно представить себе два способа того, как это могло происходить. Либо первопоселенцы постепенно вытесняли соседние кочевые племена в поисках новых земель (демическая диффузия), либо последние по собственной инициативе имитировали и перенимали новый образ жизни (культурная диффузия). До недавнего времени считалось, что преобладающим являлся первый способ распространения такого образа жизни [56]. Однако, основываясь на недавно обнаруженных генетических данных, сейчас эта точка зрения кажется сомнительной — по крайней мере по отношению к распространению оседлого образа жизни с Ближнего Востока в Европу. Если нынешние европейцы являются потомками ближневосточных народов времён неолитической революции, это можно было бы подтвердить с помощью генетических исследований. Однако имеется очень мало свидетельств в пользу данного предположения. Представляется более вероятным, что распространение оседлого образа жизни происходило в основном, если не исключительно, за счёт культурной диффузии. Вероятно, несколько поселенцев с Ближнего Востока мигрировали на северо-запад, где ассимилировались с соседними народами, принявшими их новый и образ жизни, в результате чего их собственный генетический след в тех местах становился всё более размытым.

С неолитической революцией прежний универсальный образ жизни охотников-собирателей стал исчезать. Земледельческие общины были привлекательными мишенями для набегов кочевников, и в силу своей большей мобильности соседние кочевые племена долгое время представляли серьёзную угрозу для таких общин. Но, в конечном счёте, кочевники не могли сравниться с ними за счёт разницы в численности населения. Именно организация большего числа людей в сообществах (расположения отдельных домашних хозяйств в непосредственной физической близости друг от друга) давала военное преимущество. Общинная жизнь не просто снижала транзакционные издержки, связанные с внутриплеменным обменом. Она также позволяла легко и быстро координировать оборону в случае внешней агрессии. Кроме того, помимо увеличения численности населения, оседлые общины обеспечивали возможность более эффективного разделения труда и, таким образом, способствовали появлению новых видов оружия, превосходящих те, которые были доступны кочевникам [57].

Численность человеческой популяции, жившей 50 000 лет назад, оценивается в диапазоне от 5000 до 50 000 человек. В начале неолитической революции,

произошедшей около 11 000 лет назад, когда весь земной шар завоевали племена охотников и собирателей, численность населения мира, по оценкам, достигла примерно четырёх миллионов человек [58]. С тех пор медленно, но неуклонно развивались новые способы производства: земледелие и животноводство, основанные на частной (или коллективной) собственности на землю и организованные вокруг отдельных семейных хозяйств, которые со временем вытеснили уклад жизни охотников-собирателей. В начале христианской эры население Земли увеличилось до 170 миллионов, а в 1800 году, который знаменует собой начало промышленной революции и конец аграрной эпохи, оно достигло 720 миллионов человек (сегодня население Земли превышает семь миллиардов!). В эту аграрную эпоху размер городов иногда достигал или даже превышал миллион жителей, но до её конца в больших городах проживало менее 2% населения планеты, и даже в экономически наиболее развитых странах 80-90% населения занималось сельскохозяйственным производством (в то время как сегодня это число сократилось до менее чем 5%).

Примечания

[1] Николас Уэйд, На заре человечества. Неизвестная история наших предков.

[2] Karl Buehler, Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache; Карл Поппер, Предположения и опровержения Рост научного знания; Карл Поппер, Объективное знание. Эволюционный подход.

[3] Luigi Luca Cavalli-Sforza, Genes, Peoples, and Languages.

[4] Luigi Luca Cavalli-Sforza, Genes, Peoples, and Languages.

[5] Николас Уэйд, На заре человечества. Неизвестная история наших предков.

[6] Luigi Luca Cavalli-Sforza, Genes, Peoples, and Languages.

[7] Не следует переоценивать или идеализировать эгалитаризм обществ охотников-собирателей. Этим обществам были свойственны ярко выраженные иерархические черты. Мужчины занимали более высокое положение и доминировали над женщинами. Часто мужчины «забирали» женщин и обращались с ними как с неодушевлёнными предметами: их крали, использовали и продавали. Дети находились ниже взрослых в иерархии сообществ. Более того, иерархия существовала и среди членов общества, начиная от правящих альфа-самцов до самых низших членов общества. Проигравшим в борьбе за более высокий статус грозили увечья и даже смерть, в лучшем случае — изгнание из племени. Короче говоря: даже если племенная жизнь обеспечивала комфортный уровень жизни с точки зрения обильной еды и досуга, она была совсем не комфортной с точки зрения столь лелеемой в современном мире «индивидуальной автономии». Напротив, жизнь в племени означала дисциплину, порядок и подчинение.

[8] Richard Lee and I. De Vore, eds., Man the Hunter; Marvin Harris, Cannibals and Kings: The Origins of Cultures.

- [9] Marvin Harris, *Cannibals and Kings: The Origins of Cultures*.
- [10] Однако это утверждение относится только к жизни охотников-собираателей в мирные периоды.
- [11] Marvin Harris, *Cannibals and Kings: The Origins of Cultures*, «Во всей Франции в эпоху позднего каменного века проживало, вероятно, не более 20 000, а возможно, всего 1600 человек».
- [12] Николас Уэйд, *На заре человечества. Неизвестная история наших предков*; Lawrence H. Keeley, *War Before Civilization*.
- [13] Napoleon Chagnon, *Life Histories, Blood Revenge, and Warfare in a Tribal Population*.
- [14] Lawrence H. Keeley, *War Before Civilization*.
- [15] Steven LeBlanc, *Constant Battles*.
- [16] Николас Уэйд, *На заре человечества. Неизвестная история наших предков*; Lawrence H. Keeley, *War Before Civilization*, «Когда первобытные воины встречались с войсками цивилизованных обществ в открытом бою, они регулярно побеждали их, несмотря на огромное различие в вооружении. В индийских войнах армия США «обычно терпела серьёзные поражения», когда оказывалась застигнутой врасплох, например, от семинолов в 1834 году и в Битве при Литтл-Бигхорне. В 1879 году британская армия в Южной Африке, оснащённая артиллерией и картечными Гатлинга, потерпела поражение от зулусов, вооружённых преимущественно копьями и щитами из бычьей шкуры, в сражениях при Изандлване, Майерс-Дрифт и Хлобане. Французов прогнали туареги Сахары в 1890-х годах. В конце концов государственные армии одержали победу только за счёт увеличения численности состава армии и проведения кампаний на истощение, а не благодаря боевому мастерству».
- [17] Людвиг фон Мизес, *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории*.
- [18] Косвенно это понимание непримиримого антагонизма между членами разных племён охотников-собираателей даёт первый ключ к пониманию требований мирного сотрудничества между людьми. Чтобы члены разных племён смотрели друг на друга не как на врагов, а как на потенциальных союзников, должно существовать подлинное производство потребительских товаров. Минимальным требованием является хранение излишков товаров (для будущего потребления). Только если люди увеличивают количество благ (которых бы не существовало без их сознательных усилий), у них появляется причина желать сохранения жизни других людей ради их собственного блага (их эгоистических интересов).
- [19] Josef H. Reichholf, *Eine kurze Naturgeschichte des letzten Jahrtausends*; Последний великий период потепления закончился около 120 000 лет назад. В тот период бегемоты жили на Рейне и Темзе, а северная Европа напоминала Африку. С тех пор ледники неуклонно перемещались на юг, и уровень моря в конечном итоге

упал более чем на 100 метров. Темза и Эльба стали притоками Рейна, прежде чем он впал сначала в Северное море, а оттуда в Атлантический океан. Когда этот период совершенно внезапно закончился, около 12 000 лет назад, ледники быстро отступили, а уровень моря быстро поднялся. За очень короткий период Англия и Ирландия, ранее связанные с европейским континентом, превратились в отдельные острова. Так же появились Балтийское море и большие части Северного моря и Персидского залива.

[20] Николас Уэйд, На заре человечества. Неизвестная история наших предков; Джаред Даймонд, Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ.

[21] Luigi Luca Cavalli-Sforza, Genes, Peoples, and Languages.

[22] Luigi Luca Cavalli-Sforza, Genes, Peoples, and Languages.

[23] Николас Уэйд, На заре человечества. Неизвестная история наших предков.

[24] Merritt Ruhlen, The Origin of Language: Tracing the Evolution of the Mother Tongue.

[25] Luigi Luca Cavalli-Sforza, Genes, Peoples, and Languages; Luigi Luca Cavalli-Sforza and Francesco Cavalli-Sforza, The Great Human Diasporas: The History of Diversity and Evolution; Николас Уэйд, На заре человечества. Неизвестная история наших предков.

[26] Josef H. Reichholf, Eine kurze Naturgeschichte des letzten Jahrtausends; Однако в течение нынешнего периода голоцена температура значительно колебалась. Около 10 000 лет назад, после тысячелетнего периода потепления, температура достигла текущего уровня. Несколько раз после этого температуры поднимались значительно выше этого уровня (до 2 градусов Цельсия): 8000-6800 лет назад, 6000-5500 лет назад, 5000-4000 лет назад, 2500-2000 лет назад и снова с X по XIV век, в период так называемого средневекового потепления. Кроме того, существовало несколько периодов со значительно более низкими, чем нынешние, температурами: от 9000 до 8000 лет назад, от 6800 до 6000 лет назад, от 4000 до 2500 лет назад, со II по VIII век и с XIV до середины XIX века (так называемый Малый ледниковый период).

[27] Josef H. Reichholf, Eine kurze Naturgeschichte des letzten Jahrtausends.

[28] Людвиг фон Мизес, Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории.

[29] Людвиг фон Мизес, Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории.

[30] Эмпирическим путём определено, что «магическое число», то есть оптимальная численность населения для общества охотников-собирателей, было где-то между 50 и 100 людьми на территории площадью около 50-100 квадратных миль (один человек на квадратную милю). Примерно в этой точке преимущества разделения труда исчерпывались. Если численность населения превышала «магическое число», то средний уровень жизни подвергался всё большей

опасности, и эта угроза возрастала ещё больше, если соседние племена из-за собственного роста населения увеличивали свою территорию, тем самым ещё больше уменьшая естественные запасы ресурсов, доступных членам первого племени. Внутреннее и внешнее демографическое давление требовало решения проблемы выживания.

[31] Людвиг фон Мизес, Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории; Людвиг фон Мизес, Социализм. Экономический и социологический анализ; Hans-Hermann Hoppe, Kritik der kausalwissenschaftlichen Sozialforschung. Untersuchungen zur Grundlegung von Soziologie und Ökonomie.

[32] Джаред Даймонд, Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ; Чрезмерная охота и вымирание животных сыграли роковую роль, особенно в Америке, которая была заселена только после изобретения лука и стрел. Хотя первоначально Америка имела почти такую же фауну, что и Евразия (в конце концов, на протяжении тысячелетий животные могли перемещаться с одного континента на другой через Берингийский мост), ко времени повторного открытия Америки европейцами около 500 лет назад все крупные приручаемые млекопитающие (за исключением ламы в Южной Америке) были истреблены. Теперь также установлено, что вся мегафауна, когда-то населявшая Австралию, была истреблена (за исключением красного кенгуру). По оценкам, это произошло около 40 000 лет назад, всего через несколько тысяч лет после того, как человек впервые прибыл в Австралию (без использования лука и стрел).

[33] Хотя изменения, вызванные неолитической революцией, позволили значительно увеличить численность населения, мальтузианская проблема в конечном итоге должна была возникнуть снова, и её окончательное решение было достигнуто только с помощью промышленной революции.

[34] Michael H. Hart, Understanding Human History.

[35] Murray N. Rothbard, Man, Economy, and State.

[36] Карл Менгер, Избранные работы (Основания политической экономии).

[37] Людвиг фон Мизес, Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории.

[38] Hans-Hermann Hoppe, Eigentum, Anarchie und Staat. Studien zur Theorie des Kapitalismus.

[39] Michael H. Hart, Understanding Human History.

[40] Было подсчитано, что при переходе к оседлому образу жизни на том же участке земли можно поддерживать численность населения, которая больше в сто раз.

[41] Джаред Даймонд, Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ.

[42] Николас Уэйд, На заре человечества. Неизвестная история наших предков.

[43] Генетический анализ показал, что все породы собак, в том числе обитающие в Америке, скорее всего, произошли от одного помёта родом из Восточной Азии. Похоже, что одомашнивание собак произошло в одном месте и затем они распространились по всей планете.

[44] Гельмут Шек, Зависть. Теория социального поведения.

[45] Конрад Лоренц, Человек находит друга.

[46] Примечательно, что даже сегодня, при наличии сложнейших электронных систем сигнализации, наиболее эффективной защитой от взлома остаются лающие собаки.

[47] Джаред Даймонд, Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ.

[48] Томас Мальтус, Опыт о законе народонаселения.

[49] Фридрих Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства.

[50] Фридрих Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства.

[51] Август Бебель, Женщина и социализм; Между прочим, такие авторы-социалисты, как Фридрих Энгельс, не просто описывали, но и прославляли этот институт, во многом так же, как они прославляли институт «первобытного коммунизма». Действительно, социалисты, как правило, совершенно верно признавали факт совместного возникновения институтов частной собственности и семьи, и они думали (и надеялись), что оба института в конечном итоге снова исчезнут, когда в будущем будет установлено социалистическое общество (характеристиками которого будут изобилие благ и свободная любовь). Таким образом, после трудного пути, характеризующегося нищетой и эксплуатацией, человечество наконец возвратится к тем самым институтам, которые существовали в доисторическом «золотом веке». При социализме моногамный брак должен был исчезнуть вместе с частной собственностью. Мужчины и женщины должны были сходиться и расходиться по своему усмотрению. Как писал социалист Август Бебель в своей тогда чрезвычайно популярной книге «Женщина и социализм», социализм не создаст ничего действительно нового, а лишь «воссоздаёт при более высоком уровне культуры и новых социальных формах то, что существовало до появления института частной собственности».

[52] Людвиг фон Мизес, Социализм. Экономический и социологический анализ.

[53] Каким бы рациональным не был институт семьи, переход от «свободной любви» к семейной жизни не обошёлся без издержек, и выгоды и издержки были разными для мужчин и женщин.

Конечно, мужчине было выгодно, чтобы все женщины были доступны для удовлетворения сексуальных потребностей. Кроме того, это значительно повышало

его шансы на репродуктивный успех. Рождение детей от максимально возможного числа женщин повышало вероятность передачи его генов будущим поколениям. И это было бы достигнуто без каких-либо затрат для него, если бы ответственность за воспитание детей до зрелости могла быть перенесена на общество в целом. Напротив, если доступной становилась лишь одна женщина (в случае моногамии) или несколько женщин (в случае полигамии), его шансы на сексуальное удовлетворение и репродуктивный успех уменьшались. Более того, мужчинам теперь приходилось взвешивать и сравнивать плюсы (выгоды) и минусы (издержки) секса и деторождения — чего раньше им не приходилось делать. С другой стороны, и первобытные люди не могли этого не заметить (по крайней мере со временем), что даже в случае свободной любви шансы на сексуальное удовлетворение и репродуктивный успех не были равными. Некоторые самцы — более сильные и привлекательные — имели гораздо больше шансов, чем другие. На самом деле, как знает каждый животновод, всего одного самца достаточно для оплодотворения множества самок. Таким образом, «свободная любовь» фактически означала, что очень немногие мужчины «владели» большинством женщин, особенно большинством привлекательных и репродуктивно успешных женщин, и были отцами большей части потомства, в то время как на большинстве мужчин лежала сомнительная обязанность помогать воспитывать чужое потомство. Конечно, даже самое смутное признание этого факта должно было стать угрозой любой внутриплеменной солидарности, особенно среди мужчин, которая требовалась, например, для защиты от соперничающих племён. И эта угроза, должно быть, становилась всё более серьёзной, когда население превышало свой оптимальный размер. Напротив, институт моногамной семьи и, в несколько меньшей степени, полигамной семьи предлагал каждому мужчине примерно равные шансы на репродуктивный успех и, таким образом, создавал гораздо больше стимулов для каждого мужчины проявлять чувство племенной солидарности.

Для женщины дела обстоят иначе. Ведь именно женщины должны нести риск беременности, связанный с половым актом. Именно они особенно уязвимы во время беременности и после родов. Более того, именно женщины имеют уникальную естественную связь с детьми; ибо всегда могут быть сомнения в отцовстве, но сомнения в материнстве невозможны. Каждая женщина знает, какие дети — её, а какие — от других женщин). В свете этих фактов становится очевидным главное преимущество «свободной любви» с женской точки зрения. Из-за большего риска и инвестиций, связанных с сексом для женщин, они, как правило, более избирательны в отношении своего партнёра для спаривания. Таким образом, чтобы повысить вероятность собственного репродуктивного успеха, они отдают предпочтение тем партнёрам, которые выглядят здоровыми, энергичными, привлекательными, умными и т. д., т. е. альфа-самцам. А поскольку самцы менее разборчивы в выборе сексуальных объектов, даже наименее привлекательные самки могут реально рассчитывать на возможность время от времени спариваться с некоторыми из наиболее привлекательных самцов и, следовательно, передавать свои гены потомству. Очевидно, что это преимущество исчезает, как только институт семьи приходит на смену «свободной любви». В таких обстоятельствах предполагается, что каждая женщина вынуждена полагаться на свою репродуктивную удачу, используя всего лишь один или, может быть, несколько наборов мужских генов, которые в подавляющем большинстве случаев не входят в число самых лучших. Что же тогда получили женщины от замужества? Казалось бы, очень немного, пока население было на оптимальном уровне, а жизнь племени

охотников-собираателей характеризовалась комфортом и изобилием. Однако это должно было измениться, как только население начало превышать оптимальное значение. Чем сильнее увеличивалась численность населения, тем острее становилась конкуренция за ограниченные запасы продовольствия. Какая бы женская солидарность ни существовала ранее, она должна была начать ослабевать. Естественно, каждая женщина была заинтересована в обеспечении собственного репродуктивного успеха и в достижении зрелости собственных детей и, таким образом, вступала в конфликт с каждой другой женщиной и её детьми. В этой ситуации соперничество за ресурсы могло доходить вплоть до убийства ребёнка другой женщины, чтобы обеспечить выживание собственных детей (кстати, такая же женская конкуренция всё ещё в некоторой степени преобладает в рамках полигамных отношений и объясняет напряжение, присущее таким отношениям). В этой ситуации каждая женщина (и её дети) испытывает растущую потребность в личной защите. Но кто захочет обеспечить такую защиту? У большинства детей один и тот же отец (из числа немногих альфа-самцов), но разные матери. Соответственно, нельзя ожидать, что защита одной женщины и её детей от другой будет исходить от отца детей, потому что отец очень часто будет одним и тем же. Нельзя также ожидать, что защита будет исходить от другого мужчины; почему мужчина должен предлагать личную поддержку и защиту женщине, которая вступала в сексуальные отношения с другими мужчинами и чьи дети были рождены другими мужчинами, особенно если это потомство угрожало его собственному уровню жизни? Женщина могла обеспечить личную защиту только в том случае, если она отказалась от всех преимуществ «свободной любви» и вместо этого давала обещание оказывать свои сексуальные услуги исключительно защитнику и, таким образом, могла заверить его в том, что её дети всегда будут также и его детьми.

Мужская и женская точки зрения различаются не только в отношении развития института семьи, но и в отношении важности супружеской верности. Разница между мужскими и женскими расчётами в этом отношении заключается в том, что, по крайней мере до самого недавнего времени, когда были разработаны надёжные генетические тесты на отцовство, мать ребёнка всегда была известна, чего нельзя было сказать об отце. Этот факт должен был привести к асимметричным ожиданиям относительно надлежащего поведения мужчин и женщин в браке. Таким образом, в ответ на растущее демографическое давление возник новый способ общественной организации, вытеснивший образ жизни охотников-собираателей, который был характерен для большей части человеческой истории. Как отметил Людвиг фон Мизес: «В семье любая форма супружеской неверности должна была подвергаться социальному осуждению; но неодобрение должно было быть гораздо более выраженным, а возможные санкции — гораздо более суровыми, в случае женской неверности, чем в случае мужской. Хотя это может показаться несправедливым, на самом деле это было вполне рационально, поскольку женская неверность влекла за собой гораздо больший риск для преданных мужей, чем мужская неверность для преданных жён. Неверность жены может быть первым шагом, ведущим к разводу с мужем, так же как неверность мужа может быть первым шагом, ведущим к разводу с женой. В таком случае исход для обоих партнёров одинаков (симметричен). Однако, если супружеская неверность не приводит к разводу, проступок, совершённый женщиной, следует считать гораздо более тяжким, чем проступок, совершённый мужчиной. Поскольку внебрачные сексуальные связи могут привести к беременности, и если забеременевшая таким

образом женщина остаётся со своим мужем, возникает реальная опасность того, что у неё может возникнуть искушение представить своего незаконнорождённого потомка мужу как его собственного, обманывая его, чтобы он поддерживал генетические интересы другого мужчины. В противоположном случае такой опасности не существует: ни один мужчина не может отдать своего незаконнорождённого отпрыска жене, представив его как её ребёнка. Отсюда гораздо большая социальная стигма в отношении женщин по сравнению с мужской неверностью». В случае мужской измены делается аналогичное различие: преступление считается более тяжким, если мужчина имеет связь с замужней женщиной, чем с незамужней; ибо в первом случае он становится потенциальным соучастником обмана женщины, тогда как в последнем случае он этого не делает. Из-за признания этого различия проституция стала почти универсальным социальным институтом.

[54] Людвиг фон Мизес, Социализм. Экономический и социологический анализ.

[55] Luigi Luca Cavalli-Sforza, Genes, Peoples, and Languages; Согласно археологическим данным, скорость процесса оценивается примерно в один километр в год на суше (и несколько больше вдоль береговых линий и рек).

[56] Luigi Luca Cavalli-Sforza, Genes, Peoples, and Languages; Luigi Luca Cavalli-Sforza, The Great Human Diasporas.

[57] Более 10 000 лет назад в некоторых поселениях раннего неолита, таких как Чатал-Хююк в современной Турции, проживало до 4000-5000 жителей. Находки, сделанные в таких местах, включают святилища в стиле Стоунхенджа (который, увы, был сооружён спустя более чем 6000 лет!), просторные каменные дома с искусной настенной росписью, мегалиты с рельефами животных, скульптуры, резные изображения с письменными символами, каменные сосуды с изысканным декором, каменные кинжалы, зеркала из обсидиана (вулканического камня), костяные иглы, наконечники стрел, жернова, кувшины и вазы из камня и глины, кольца и цепи из разноцветных камней и даже металлические предметы.

[58] Colin McEvedy and Richard Jones, Atlas of World Population History.

Глава 2. От мальтузианской ловушки к промышленной революции

I. Экономическая теория

В экономической теории есть ответ на вопрос о том, как можно стать богаче.

Вы становитесь богаче (а) за счёт накопления капитала, то есть создания промежуточных «производственных» или «капитальных» благ, которые могут производить за единицу времени больше потребительских товаров, чем может быть произведено без них, или товаров, которые вообще не могут быть произведены только за счёт земли и труда (накопление капитала, в свою очередь, связано с низким временным предпочтением), (б) за счёт участия в разделении труда, (в) за

счёт контроля численности населения, то есть поддержания его оптимальной численности.

Изначально Робинзон Крузо, будучи единственным человеком на острове, располагает лишь собственным трудом и землёй. Его богатство (или бедность) зависит от условий природы. Часть своих потребностей он может удовлетворить немедленно. Однако для удовлетворения большинства потребностей ему нужно прибегнуть к косвенному — и более трудоёмкому — способу производства. Почти все блага требуют наличия производственных благ. С их помощью становится возможным увеличить производство товаров за единицу времени. Например, чтобы увеличить улов рыбы, Крузо необходимо сплести сеть, а чтобы построить убежище (которое в принципе не может быть возведено без производственных благ), ему необходимо смастерить топор.

Однако для производства сети или топора Крузо требуются ресурсы. Конечно, с помощью производственных благ можно увеличить эффективность труда; Крузо не стал бы тратить время на плетение рыболовной сети, если бы не ожидал, что с её помощью сможет поймать больше рыбы (за единицу времени), чем без неё. Тем не менее на создание сети требуется время, которое может быть использовано в качестве досуга. Принимая решение, Крузо должен произвести сравнение двух ожидаемых состояний: текущего (без сети) и возможного (с сетью). Решив сплести сеть, Крузо решил, что пользу от досуга в настоящем он оценивает ниже пользы от пользы сети в будущем. В противном случае он бы воздержался от её создания.

Возможный обмен настоящего на будущие блага и связанное с этим удовлетворение определяется временным предпочтением. Текущие блага более ценны, чем будущие, и мы готовы обменять первые на вторые только с какой-то надбавкой. Однако степень, с которой предпочтение отдаётся текущему перед будущим, или готовность отказаться от некоторого возможного потребления настоящего для большего потребления в будущем, то есть готовность к сбережению, отличается от человека к человеку и от одного момента времени к другому. В зависимости от личных временных предпочтений Крузо будет экономить и инвестировать больше или меньше, а его уровень жизни будет выше или ниже. Чем ниже его временные предпочтения, то есть чем легче ему откладывать удовлетворение потребностей в обмен на ожидание большего удовлетворения в будущем, тем больше капитальных благ он накопит и тем выше будет его уровень жизни.

Также люди могут увеличить своё богатство за счёт разделения труда. Предположим, что Крузо будет сотрудничать с Пятницей. Из-за их природных различий и различий находящейся в их распоряжении земли возникают абсолютные и сравнительные преимущества в производстве различных товаров. Крузо лучше приспособлен к производству одних благ, а Пятница — других. Если они будут специализироваться на том, что каждый из них производит лучше всего, общий выпуск товаров будет больше, нежели в случае, где они самостоятельно производили бы для себя все требуемые блага. Даже если один из них превосходит другого в производстве каждого блага, им обоим выгодно специализироваться на тех видах деятельности, в которых они обладают преимуществом.

Также благосостояние общества зависит от численности населения, то есть от его сохранения на экономически оптимальном уровне. Тот факт, что богатство зависит

от количества людей, вытекает из «закона отдачи» и «мальтузианского закона народонаселения», который Людвиг фон Мизес провозгласил «одним из величайших достижений мыслительной деятельности». Вместе с принципом разделения труда Мальтус заложил основы современной биологии и теории эволюции [1].

В наиболее общей и абстрактной форме закон отдачи означает, что для любой комбинации двух или более факторов производства существует оптимальная комбинация (такая, что любое отклонение от неё влечёт за собой снижение эффективности). Применительно к двум первоначальным факторам производства, труду и земле (природным благам), закон подразумевает, что если постоянно увеличивать количество труда (населения), в то время как количество земли (и доступных технологий) будет оставаться неизменным, в конечном счёте будет достигнута точка максимальной производительности на единицу труда. Эта точка указывает на оптимальный размер популяции. Если население увеличится сверх этого количества, то доход на душу населения начнёт уменьшаться; точно так же доход на душу населения был бы меньше, если бы количество людей снизилось ниже этой точки (поскольку разделение труда сократилось бы вместе с потерей эффективности). Таким образом, для поддержания наибольшего уровня дохода на душу населения, численность населения должна оставаться на определённом уровне. В данной ситуации есть лишь два способа дальнейшего увеличения реального дохода на душу населения или увеличения численности населения без снижения уровня доходов. Первый способ — начать использовать более эффективные инструменты (которые могут появиться только после этапа сбережений). Вторым способом является использование большего количества территории.

Данная ситуация названа «мальтузианской ловушкой», которую Людвиг фон Мизес описал следующими словами: «Приспособление уровня рождаемости к материальным возможностям является необходимым условием человеческой жизни и деятельности, цивилизации и любого улучшения уровня благосостояния. Когда средний уровень жизни снижается из-за чрезмерного увеличения населения, возникают непримиримые конфликты интересов. Люди становятся соперниками в борьбе за выживание. Уничтожение соперников является единственным способом повысить своё благосостояние. У человека есть выбор между безжалостной войной против всех и сотрудничеством. Но сотрудничество становится невозможным, когда люди дают волю бесконтрольному инстинкту размножения» [2].

В предыдущей главе было объяснено взаимодействие в обществах охотников-собирателей. Можно представить гипотетический сценарий, в котором человечество продолжало бы вести такой образ жизни. Такое могло произойти, если бы люди смогли ограничить увеличение населения. В таком случае мы могли бы по сей день жить так же, как жили десятки тысяч лет назад наши предки. Однако человечеству не удалось сделать этого. Население увеличивалось и необходимо было использовать всё большее количество территории. Более того, технический прогресс, достигнутый в рамках обществ охотников-собирателей (например, изобретение лука и стрел около 20 000 лет назад), увеличил (а не уменьшил) скорость этого процесса. Поскольку охотники и собиратели (как и все животные) лишь истощали (потребляли) запас данных природой благ, но не

производили и не увеличивали их количество, орудия труда ускорили (а не задержали) процесс территориальной экспансии.

Неолитическая революция, начавшаяся около 11 000 лет назад, временно облегчила положение людей. Изобретение земледелия и животноводства позволило большему числу людей выжить, располагая одинаковым количеством земли, а институт семьи, который помог интернализировать выгоды и издержки производства потомства, обеспечил контроль над увеличением населения. Но ни одно из этих нововведений не было постоянным решением проблемы перенаселения. Люди всё ещё не сдерживали свои сексуальные порывы, а увеличение производительности, вызванное новым способом производства, представленным сельским хозяйством и животноводством, быстро сошло на нет за счёт увеличения численности населения. На планете стало возможно существование значительно большего числа людей, чем раньше, но человечество ещё не вырвалось из мальтузианской ловушки — пока около 200 лет назад не началась промышленная революция.

II. Экономическая история: проблема

Проблему благосостояния можно описать с помощью диаграмм, на которых изображены увеличение мирового населения и увеличение доходов на душу населения.

Первая диаграмма, взятая у Колина Мак-Эведи и Ричарда Джонса [3], отображает увеличение человеческой популяции с 4000 года до н.э. по 2000 год н.э. Численность населения в начале неолитической революции составляла около четырёх миллионов человек. Около 7000 лет назад (5000 лет до н.э.) посевные площади (сначала только в районе Плодородного Полумесяца, а затем и в Центральном Китае) были слишком малы, чтобы оказать существенное влияние на население планеты. К тому времени уже существовали примерно пять миллионов человек. С тех пор происходило значительное увеличение численности населения: 2000 лет спустя (3000 лет до н.э.) проживало около четырнадцати миллионов человек, 3000 лет назад (1000 лет до н.э.) население увеличилось до пятидесяти миллионов [4], а спустя 500 лет количество людей на Земле оценивается примерно в 100 миллионов. Отныне число проживающих на планете продолжало медленно, но устойчиво расти примерно до 1800 года (на тот момент население составляло около 720 миллионов человек), а затем произошёл сильный скачок, после чего спустя всего 200 лет количество жителей Земли достигло семи миллиардов человек.

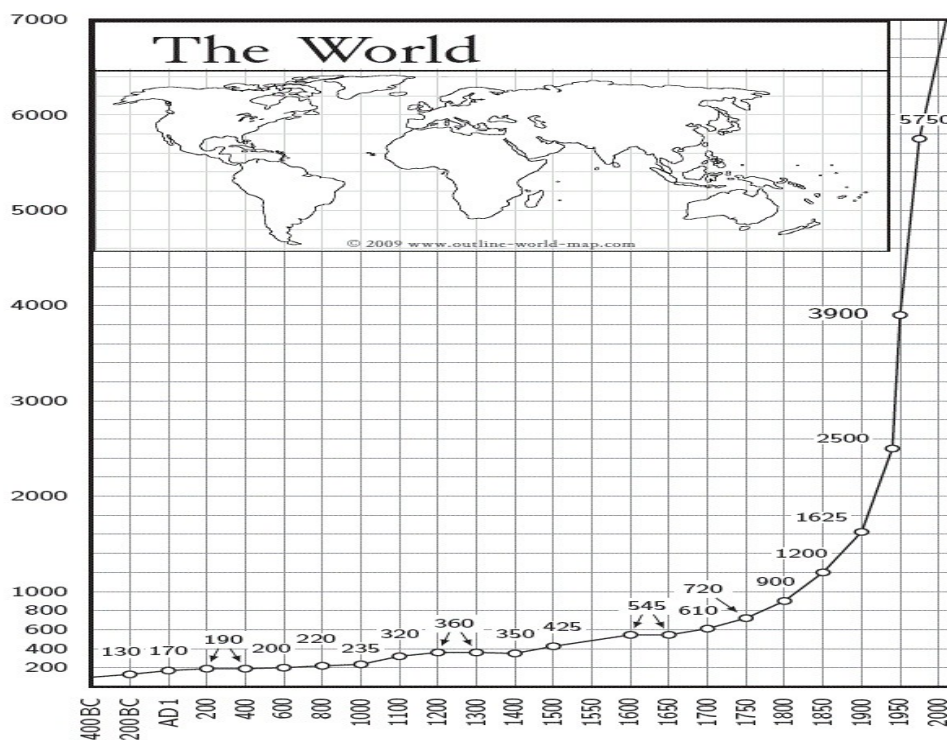

Рисунок 1. Общая численность населения мира (в миллионах человек).

Вторая диаграмма, взятая у Грегори Кларка [5], отображает увеличение доходов на душу населения с начала письменной истории человечества по настоящее время. На диаграмме также заметен резкий скачок, произошедший примерно в 1800 году. До этого момента, то есть на протяжении большей части письменной истории, реальные доходы на душу населения не увеличивались. То есть средний уровень жизни в Англии XVIII века был ненамного выше, чем в Древнем Вавилоне, где можно было найти самые древние записи о ставках заработной платы и ценах на различные потребительские товары. При оседлом образе жизни и развитии института частной собственности возникли отчетливые различия в богатстве и доходах людей. Существовали крупные землевладельцы (лорды), которые жили в огромной роскоши (даже по сегодняшним меркам). Не всегда и не везде средний уровень жизни был одинаково низким. Например, в 1800 году существовали ярко выраженные региональные различия между реальными доходами англичан, индийцев и западных африканцев. И конечно, что касается межвременных сравнений, в Англии 1800 года людям было известно множество технологий, о которых не знали в Древнем Риме, Греции, Китае или Вавилоне. Но, во всяком случае, везде и во все времена доход подавляющего большинства населения находился на уровне прожиточного минимума. Нигде не было постоянной и заметной тенденции роста реальных доходов примерно до начала XIX века.

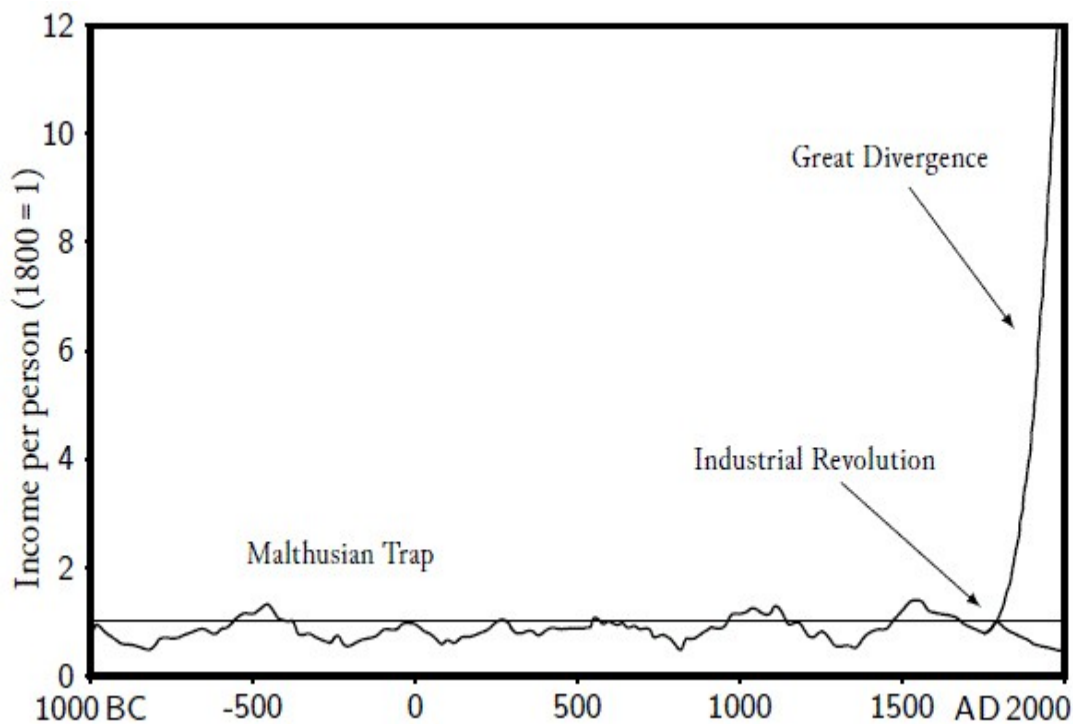

Рисунок 2. Мировая экономическая история в одной картинке. После 1800 года доходы резко выросли во многих странах мира.

Обе диаграммы показывают значение промышленной революции, которая произошла около 200 лет назад, а также значение — и, в частности, продолжительность — предыдущей, «мальтузианской стадии». Для животных (и растений) всегда верно, что бесконтрольное увеличение их численности в конечном итоге приведёт к перенаселению и появлению «избытка» который будет «ликвидирован» из-за недостатка средств существования. Примерно до 1800 года это было верно и для людей.

Численность населения могла увеличиваться главным образом потому, что использовалось всё большее число земли, а также частично из-за более развитых технологий и расширения разделения труда. Но всё это нивелировалось увеличением населения, которое посягало на имеющиеся средства существования, что приводило к перенаселению и появлению того, что Мизес называл «лишними особями», которые обрекались на смерть или превращались в бродяг, бандитов или воинов. Таким образом, на протяжении большей части человеческой истории господствовал железный закон заработной платы. Доходы и заработная плата удерживались на уровне, близком к прожиточному минимуму, вследствие существования значительного класса «лишних особей».

III. Объяснение истории

Почему потребовалось так много времени, чтобы выбраться из мальтузианской ловушки, особенно с учётом изобретения земледелия и животноводства? Почему у нас вообще получилось выбраться из неё? Почему мы отказались от образа жизни охотников-собирателей в пользу оседлости? Экономическая теория не даёт и не может дать ответов на эти вопросы.

Обычно экономисты (включая экономистов-либертарианцев) отвечают, что существовали институциональные препятствия — в частности, права собственности были недостаточно защищены, что мешало более быстрому экономическому развитию и что это препятствие было преодолено лишь примерно 200 лет назад. Таково, по существу, объяснение Людвиг фон Мизеса [6]. Мюррей Ньютон Ротбард выдвигал схожие предположения [7]. Я попытаюсь доказать, что это объяснение ошибочно или, по крайней мере, недостаточно, и представить альтернативное объяснение (по крайней мере, его набросок).

У охотников и собирателей, насколько известно, было достаточно свободного времени, чтобы изобрести сельское хозяйство и животноводство. Они повсеместно сталкивались с «переизбытком населения» и, следовательно, падением доходов; и хотя издержки от уменьшения досуга были сравнительно небольшими, на протяжении десятков тысяч лет никто не задумывался о сельском хозяйстве и животноводстве для выхода (хотя бы временного) из мальтузианской ловушки. Вместо этого реакциями охотников-собирателей на проблему были миграция или война.

В действительности права собственности в оседлых обществах были достаточно хорошо защищены. Идея прав частной собственности была хорошо известна, а сами права успешно применялись почти с начала оседлой жизни. Права собственности в XIII веке в Англии и на территории большей части феодальной Европы были защищены лучше, чем в современной Англии и Европе. Все институциональные стимулы, благоприятствующие накоплению капитала и разделению труда, были известны — и всё же нигде, вплоть до XIX века, человечеству не удавалось вырваться из мальтузианской ловушки. Таким образом, институт защиты собственности необходимо считать необходимым, но недостаточным условием увеличения доходов на душу населения.

Должен быть какой-то другой фактор, не фигурирующий в экономической теории, — который мог бы объяснить данное положение дел.

Отчасти ответ очевиден: люди не могли выбраться из мальтузианской ловушки, так как не контролировали в достаточной степени свой инстинкт размножения, что приводило к увеличению населения. Однако это лишь часть ответа. Потому что контроль над численностью населения может предотвратить падение дохода, но он не способен привести к его увеличению [8]. Какой-то другой, «эмпирический» фактор, не фигурирующий в чистой (априорной) экономической теории, должен объяснить длительность мальтузианской ловушки и то, каким образом мы из неё выбрались. Этим фактором является интеллект, и простой ответ на вышеприведённые вопросы таков: на протяжении большей части истории люди не были достаточно разумными — им требовалось время для развития интеллектуальных способностей [9].

Всего 11 000 лет назад люди не обладали достаточным уровнем интеллекта, и даже самые умные из них не были способны понять идею окольного производства потребительских благ, которая лежит в основе сельского хозяйства и животноводства. Идея о том, что нужно посеять семена, ухаживать за растениями и только потом собрать урожай, не является тривиальной. Идея приручения и разведения животных также не является очевидной. Для понимания этих идей

требуется значительная степень интеллектуальных способностей. Потребовались десятки тысяч лет естественного отбора, чтобы уровень интеллекта стал достаточен для их осознания.

Также потребовалось ещё несколько тысяч лет естественного отбора во время оседлого образа жизни, чтобы интеллектуальные способности людей могли повыситься настолько, чтобы в результате стала возможна ситуация, когда рост производительности мог опережать рост населения. С начала неолитической революции и примерно до 1800 года было совершено достаточно изобретений (технологических усовершенствований) умными людьми (которым также подражали люди с меньшим уровнем интеллекта), благодаря чему стал возможен значительный рост мирового населения: примерно с 4 до 720 миллионов человек. До промышленной революции темп технического прогресса никогда не был достаточно быстрым, чтобы обеспечить рост численности населения в сочетании с увеличением доходов.

Сегодня мы считаем очевидным, что нежелание меньше потреблять и больше экономить ограничивает экономический рост. Кажется, что у нас есть практически бесконечный запас ресурсов и знаний о том, как производить множество благ высочайшего качества, и лишь наши ограниченные сбережения мешают нам их производить. На самом деле данное положение дел является совершенно новым. На протяжении большей части человеческой истории размер сбережений сдерживался отсутствием идей об их продуктивном использовании. Для Крузо, например, было бы недостаточно всего лишь иметь низкое временное предпочтение (с целью увеличения сбережений). Крузо также должен был постичь идею рыболовной сети и должен был знать, как её сплести. Большинство людей недостаточно умны, чтобы изобрести что-то новое, в лучшем случае они способны лишь более или менее хорошо имитировать то, что изобрели более умные люди. Но если никто не способен что-либо изобрести или воспроизвести ранее изобретённое, то даже самые надёжные права собственности не будут иметь никакого значения. Следовательно, институт защиты прав собственности должен рассматриваться лишь как необходимое (но не достаточное) условие экономического роста. Необходимы интеллектуальные способности, с помощью которых становится возможным увеличить производительность и улучшить контроль над инстинктом размножения.

Механизм, благодаря которому с течением времени человеческий интеллект эволюционировал, достаточно прост. Учитывая, что человек физически слаб и плохо приспособлен к выживанию в дикой природе, ему было выгодно иметь развитый интеллект [10]. Более высокий интеллект повышает шансы экономического успеха, который, в свою очередь, увеличивает шансы репродуктивного успеха: производства большего числа выживших потомков. Существование обеих взаимосвязей подтверждается огромным количеством эмпирических данных [11].

Не может быть сомнений, что жизнь охотника-собирателя требует развитого интеллекта: способности классифицировать внешние объекты, понимать причинно-следственные связи, оценивать расстояние, время и скорость, находить различные вещи и запоминать их положение и многое другое; самое главное, способности общаться с другими с помощью языка и облегчать координацию

действий. Не каждый член группы мог справляться с этими задачами. Некоторые люди оказывались умнее других. Различия в интеллектуальных способностях должны были приводить к видимой дифференциации статуса внутри племени — «хороших» охотников, собирателей и коммуникаторов и «плохих». Дифференциация, в свою очередь, должна была приводить к различию в уровне репродуктивного успеха среди членов племени, особенно учитывая «свободные» сексуальные нравы, преобладающие среди охотников-собирателей. То есть, по большому счёту, «хорошие» члены племени должны были производить большее количество выживших потомков и таким образом с большей вероятностью передавали свои гены следующим поколениям, чем «плохие». Следовательно, в той степени, в какой человеческий интеллект определяется генетическими факторами (что кажется неоспоримым в свете теории эволюции), со временем должны были появиться популяции со всё более высоким уровнем интеллекта (в том числе гениальных людей).

Конкуренция внутри и между племенами, а также естественный отбор людей с наиболее высоким уровнем интеллекта не прекратились и после принятия охотниками-собирателями оседлого образа жизни. Однако с изменением условий в некоторой степени изменились и требования, обеспечивающие репродуктивный успех.

Изобретение земледелия и животноводства является крупным интеллектуальным достижением. Их принятие требовало осознания неочевидных причинно-следственных связей. Оседлый образ жизни требовал большого количества труда, терпения и выносливости. Кроме того, фермеру требовались навыки счёта и измерения. Также требовалось прийти к пониманию экономических преимуществ разделения труда. Для разработки контрактов требовался определённый уровень грамотности. Далеко не каждый фермер был одинаково склонен к приобретению этих навыков. В условиях, когда каждая семья отвечала за собственное производство потребительских благ и потомство, естественное неравенство людей и соответствующая социальная дифференциация между членами племени становились более заметными. Следовательно, экономический успех становился ещё более важным для репродуктивного успеха.

Тенденция к отбору людей с более высоким уровнем интеллекта была наиболее сильна на наименее благоприятной для проживания территории. Если окружающая среда была «мягкой» (например, как в тропическом климате), высокий уровень интеллекта давал меньшее преимущество, чем в менее пригодной для проживания среде. Чем более неблагоприятна для людей окружающая среда, тем выше было значение интеллекта как необходимого условия экономического и репродуктивного успеха. Таким образом усиление человеческого интеллекта было наиболее выражено в самых суровых (исторически — северных) местах обитания.

Люди живут за счёт потребления животных и растений, а животные за счёт потребления других животных или растений. Растения, таким образом, находятся в начале пищевой цепи человека. Рост растений, в свою очередь, зависит от наличия (или отсутствия) четырёх факторов: углекислого газа (который равномерно распределён по всему земному шару и потому не представляет для нас интереса в данном исследовании), солнечной энергии, воды и, что очень важно, минералов [12].

В районе экватора, где жили первые современные люди, выполнялись два из трёх условий. Там было *обилие* солнечного света и много дождей. Дни и ночи были одинаково длинными, а температура круглый год была комфортной и тёплой (разница между дневной и ночной и летней и зимней температурами практически отсутствовала). В тропических лесах температура редко превышает 30 градусов по Цельсию (86 градусов по Фаренгейту) или опускается ниже 20 градусов по Цельсию (68 градусов по Фаренгейту). Таким образом, условия для обитания человека представляются весьма привлекательными; и всё же плотность населения в тропических регионах всегда была чрезвычайно низкой по сравнению с регионами, расположенными дальше к северу (и к югу). Причиной являлся скудный минеральный состав почвы.

Почва тропиков, с геологической точки зрения, стара (по сравнению, в частности, с теми регионами, на которые повлияли ледниковые и межледниковые периоды) и почти полностью лишена минералов (за исключением экваториальных регионов с вулканической — минеральной — активностью, как, например, на некоторых индонезийских островах, таких как Ява, где плотность населения всегда была выше среднего). В результате огромная биомасса тропиков не производила новых ресурсов. Более того, подавляющая часть этой биомассы представляла собой медленно растущие лиственные деревья, большинство из которых из-за особой потребности в охлаждении (от солнца) были не только тверды и жёсткие, но зачастую ядовиты или, по крайней мере, непригодны для человека и травоядных, таких как крупный рогатый скот. Это объясняет то, почему на территории тропиков проживает удивительно мало мелких животных. Действительно, единственные животные, существующие в изобилии в тропическом климате, — это муравьи и термиты. Тропическая биомасса на один гектар даёт более 1000 тонн древесины и менее 200 килограмм животной массы (мяса). В отличие от этого, в восточноафриканской степной саванне на 50 тонн растительности на квадратный километр (100 гектаров) приходится около 20 тонн животной массы: слонов, буйволов, зебр, гну, антилоп и газелей. На территории, где существует так мало животных, может выживать лишь небольшое количество людей. Большинство людей, живших в тропиках, проживали вблизи рек и в основном существовали за счёт рыбной ловли, а не охоты и собирательства.

Люди очень быстро поняли это и вынуждены были покинуть райские тропики и отправиться в другие регионы в поисках пищи. Однако регионы к северу (и к югу) от экватора были сезонными. В этих местах выпадало меньше осадков, а температура была более низкой (эти отличия лишь усиливались по мере продвижения на север или юг). В северных районах обитания человека температура может изменяться более чем на 40 градусов за сутки, а за год — более чем на 80 градусов. Общее количество биомассы, полученной в таких условиях, было значительно меньше, нежели в тропиках. Однако по мере продвижения от экватора почва зачастую обладала достаточным количеством минералов, чтобы компенсировать эти климатические недостатки, и предлагала оптимальные условия для роста растительности, пригодной для потребления животными и людьми.

Во время последнего ледникового периода, который закончился около 10 000 лет назад, регионы, которые предлагали далеко не райские климатические условия, но большие запасы продовольствия, включали всю надэкваториальную Африку — в

том числе Сахару — и большую часть евразийской суши (за исключением арктической Северной Европы и Сибири). С тех пор северный пояс пустынь, расширяющийся к востоку, разделил всю зону сезонных областей на Южную из субэкваториальных областей и Северную, включающую теперь большую часть Северной Европы и Сибири. С тех пор наибольшая плотность населения преобладала в этих «умеренных» климатических зонах.

Важно понимать, что места с «умеренным» климатом на самом деле были довольно суровыми, а в далёких северных широтах даже чрезвычайно суровыми по сравнению с условиями, которые существовали в тропиках и к которым человек изначально был приспособлен. Регионы с таким климатом создавали (всё более и более) сложные интеллектуальные проблемы для охотников и собирателей. Им предстояло научиться обращаться с крупными животными, которых не существовало в тропиках (за исключением вулканических районов Индонезии). Не менее важно то, что за пределами экваториальных регионов сезонные изменения и колебания в окружающей человека среде играли всё большую роль, из-за чего становилось более важным уметь предсказывать такие изменения и колебания и предвидеть их влияние на будущие запасы продовольствия. Те, кто мог справиться с этими задачами, имели больше шансов на выживание и размножение.

За пределами тропиков существовали ярко выраженные сезоны дождей, которые необходимо было учитывать. Кроме того, на рост и распространение растений и животных влияли северо-восточные (или, в Южном полушарии, юго-восточные) пассаты. В более отдалённых от экватора районах дождевые сезоны менялись и зимой шли дожди, а летом был период засухи. Ветры, влияющие на распределение дождя, были преимущественно западными. Лето было жарким и сухим, в то время как зимние температуры, даже на низких высотах, могли легко достигать смертельного уровня. Соответственно, вегетационный период был ограниченным. Наконец, в самых северных районах обитания человека, то есть к северу от средиземноморских широт, дожди шли нерегулярно в течение всего года. Продолжительность светового дня также значительно варьировалась. В самых северных районах можно наблюдать явления полярных дней и ночей, которые могут длиться месяцами. Помимо этого, в северных регионах были длительные периоды экстремальных погодных условий во время зимы. В течение этих периодов, которые длились от многих месяцев до большей части года, рост всех растений практически прекращался. Растения умирали или впадали в спячку. Природа перестала поставлять пищу, и людям (и животным) угрожали голодная смерть и опасность замёрзнуть насмерть. Соответственно, вегетационные периоды, в течение которых можно было накопить избыток пищи и укрытия на случай непредвиденных обстоятельств, были короткими. Кроме того, климат также влиял на миграцию животных. До тех пор, пока они не смогли адаптироваться к суровым условиям, животные должны были мигрировать каждый сезон, часто на большие расстояния и из отдалённых мест. А поскольку животные составляли большой процент пищи человека, охотникам-собирателям приходилось регулярно перемещаться на дальние расстояния.

Становится очевидным, почему естественный отбор в пользу людей с более высоким уровнем интеллекта среди охотников-собирателей становился более выраженным по мере их продвижения в северном (или южном) направлении. Несомненно, для успешной жизни в тропиках от человека требовались

значительные интеллектуальные способности. Однако постоянство тропиков действовало как естественное ограничение для развития человеческого интеллекта. Поскольку в тропиках один день был очень похож на любой другой, у людей не было необходимости планировать свою деятельность на длительный срок.

Существование сезонных изменений — дождя и засухи, лета и зимы, зноя и холода, ветров и штелей — требовало необходимости принимать во внимание большее количество внешних факторов; для успешного выживания и размножения необходимо было планировать свою деятельность на длинные отрезки времени. Требовалось умение анализировать сложные цепочки причинно-следственных связей. Нужно было действовать сейчас, чтобы лишь спустя долгое время можно было достичь желаемого результата. В самых северных районах, где зима длилась долго и была смертельно опасной, приходилось добывать продовольствие, одежду и кров, которых хватило бы на большой промежуток времени. Необходимо было уметь планировать на годы, а не на дни или месяцы. Также (из-за домашнего скота) приходилось пересекать обширные территории, требующие исключительных навыков ориентирования и навигации. Лишь достаточно умные и способные группы людей, управляемые исключительными лидерами, могли рассчитывать на выживание и продолжение рода.

Таким образом, можно ожидать, что наибольший прогресс на пути к изобретению земледелия и животноводства около 11 000 лет назад произойдёт в самых северных районах обитания человека. В этих местах конкуренция внутри и между группами охотников-собираателей должна была со временем привести к появлению наиболее умных представителей человечества. И действительно, до данной временной отметки все значительные технологические новшества появлялись именно в северных регионах, в основном в Европе.

Объяснительная сила вышеприведённого наброска социальной эволюции не ограничивается эпохой до начала периода оседлости. Теория, представленная здесь, может объяснить, почему потребовалось так много времени, чтобы выбраться из мальтузианской ловушки, и почему этого не могло произойти раньше: человечество просто не было достаточно разумным, чтобы достичь роста производительности, который мог бы постоянно опережать увеличение населения. Чтобы это стало возможным, сначала нужно было достичь определённых уровней среднего и исключительного интеллекта, затем потребовалось время (примерно до 1800 года), чтобы это произошло. Теория может объяснить хорошо установленный и подтверждённый (и упорно игнорируемый по причинам «политической корректности») факт исследований интеллекта: средний IQ наций постепенно снижается по мере продвижения с севера на юг (примерно от 100 и более баллов в северных странах до примерно семидесяти в странах Африки к югу от Сахары) [13]. Теория может объяснить, почему промышленная революция возникла и затем сразу же началась в некоторых — как правило, северных — регионах, почему существуют территориальные различия в доходах и почему эти различия увеличились (а не уменьшились) со времени промышленной революции.

Также теория может объяснить, почему неолитическая революция началась около 11 000 лет назад не в самых северных районах обитания человека, откуда она постепенно и последовательно завоевала весь остальной мир, а в значительно более южных регионах: на Ближнем Востоке, в Центральном Китае (Долина Янцзы) и в

Мезоамерике. Для изобретения земледелия и животноводства необходимы два фактора: достаточный уровень интеллекта и благоприятные природные условия. Отсутствие благоприятных природных условий на крайнем севере помешало его жителям совершить технологическую революцию. Экстремальный холод и чрезвычайно короткий вегетационный период сделали сельское хозяйство и животноводство практически невозможными. Для перехода к такому образу жизни требовались благоприятные природные условия: продолжительный и тёплый вегетационный период, который существовал в «умеренных» регионах [14]. Здесь конкурентное развитие человеческого интеллекта среди охотников-собирателей оказалось достаточным (хотя и менее значительным, чем на севере), чтобы можно было прийти к идее оседлого образа жизни и перейти к нему. С момента окончания последнего ледникового периода (около 10 000 лет назад), зона умеренного климата расширилась на север, что сделало возможным появление там сельского хозяйства и животноводства. Вскоре проживающие там группы людей переняли новый образ жизни, и с тех пор (по причине большей интеллектуальной одарённости) большинство последующих технологических усовершенствований происходило именно в более северных широтах. На юге (за исключением тропиков) от центра зарождения технологической революции также постепенно был принят новый образ жизни, так как имитирование требует меньше интеллектуальных усилий, чем изобретение. Однако из-за недостаточно высокого интеллектуального уровня в тех регионах почти не было изобретено новых эффективных практик земледелия или животноводства. Дальнейшее повышение производительности на юге в основном будет происходить лишь за счёт перенятия методов, изобретённых в северных широтах.

IV. Последствия и перспективы

Из этого следует несколько выводов. Во-первых, изложенная теория социальной эволюции подвергает фундаментальной критике идеи эгалитаризма, господствующие в социальных науках. Экономисты склонны допускать человеческие различия в виде разной производительности труда. Но эти различия обычно интерпретируются ими как результат разницы внешней среды, и лишь в редких случаях биологические характеристики признаются в качестве возможных источников различий между людьми. Тем не менее даже когда экономисты признают эти очевидные вещи, как это, безусловно, делали Мизес и Ротбард, они всё равно склонны игнорировать, что эти различия являются результатом длительного процесса естественного отбора. Таким образом упускается из виду, что мы, современные люди, очень отличаемся от наших предшественников, живших сотни или тысячи лет назад.

Во-вторых, промышленная революция стала возможна прежде всего благодаря развитию интеллектуальных способностей людей (а не только по причине устранения институциональных барьеров), из-за чего следует понять принципиальную роль государства в мальтузианских и постмальтузианских условиях. В мальтузианских условиях государство оказывает меньшее значение (по крайней мере, когда речь идёт о макроэффектах), чем в постмальтузианских. Более эксплуататорское государство лишь приведёт к большему снижению численности населения (будучи паразитическим институтом), но не окажет значительного влияния на общий уровень экономического благосостояния. Наоборот, при снижении плотности населения доход на душу населения может даже возрасти, как

это произошло после великой эпидемии в середине XIV века. И наоборот: «хорошее», менее эксплуататорское государство позволит увеличить число людей, но доходы на душу населения не увеличатся или даже снизятся, потому что количество земли на одного человека уменьшилось. Ситуация кардинально меняется с наступлением промышленной революции, так как в условиях, когда увеличение производительности труда постоянно опережает увеличение населения, и у людей появляется возможность стабильно увеличивать свои доходы, такой эксплуататорский институт, как государство, может непрерывно усиливать свою мощь.

В-третьих, изменения касаются естественного отбора. Для мальтузианской эпохи характерен положительный естественный отбор, так как наиболее экономически успешные люди производят больше потомства, что постепенно приводит к появлению всё большего количества интеллектуально одарённых индивидов. В постмальтузианскую эпоху существование и увеличение государства производит двойной дисгенный эффект, особенно в условиях демократического государства всеобщего благосостояния [15]. Во-первых, «экономически неуспешные», будучи главными «клиентами» государства всеобщего благосостояния, производят больше потомков, а экономически успешные — меньше. Во-вторых, устойчивый рост паразитического государства, ставший возможным из-за экономического роста, систематически влияет на требования для достижения экономического успеха. Экономический успех становится всё более зависим от политики и политического таланта, то есть таланта использовать государство для обогащения себя за счёт других, что приводит к снижению интеллектуального уровня населения.

В качестве заключения важно отметить, что точно так же, как и промышленная революция, побег из мальтузианской ловушки ни в коем случае не был предопределённым событием в истории человечества, этот успех не является необратимым.

Примечания

[1] Людвиг фон Мизес, Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории.

[2] Людвиг фон Мизес, Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории.

[3] Colin McEvedy and Richard Jones, Atlas of World Population History.

[4] Colin McEvedy and Richard Jones, Atlas of World Population History.

[5] Грегори Кларк, Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира.

[6] Людвиг фон Мизес, Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории.

[7] Murray N. Rothbard, Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays (Left and Right: The Prospects for Liberty).

[8] Когда Таити был вновь открыт европейцами в 1767 году — примерно через 1000 или, возможно, 2000 лет после того, как он был впервые заселён австронезийцами, — население острова оценивалось в 50 000 человек (сегодня это 180 000 человек). По общему мнению, таитяне жили райской жизнью. Реальный доход на душу населения был высоким, не в последнюю очередь из-за весьма благоприятных климатических условий на полинезийских островах. Но чтобы поддерживать высокий уровень жизни, таитяне практиковали самые безжалостные формы контроля рождаемости: детоубийство и смертельные войны. Это место было раем только для выживших. Однако всё это время таитяне жили в каменном веке. Их набор инструментов практически не изменился с момента их первого прибытия на остров(а). Дальнейшего накопления капитала не происходило, а реальный доход на душу населения, даже если он был высоким из-за благоприятных внешних обстоятельств, оставался на прежнем уровне.

[9] Michael H. Hart, *Understanding Human History*.

[10] Arnold Gehlen, *Man*.

[11] Michael H. Hart, *Understanding Human History*; Грегори Кларк, *Прощай, нищета!* Краткая экономическая история мира; Richard Lynn, *Dysgenics: Genetic Deterioration in Modern Populations*.

[12] Josef H. Reichholf, *Stabile Ungleichgewichte: Die Ökologie der Zukunft*; Carroll Quigley, *The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis*.

[13] Richard Lynn and Tatu Vanhanen, *IQ and Global Inequality*; Richard Lynn, *The Global Bell Curve: Race, IQ and Inequality Worldwide*; Ричард Линн, *Расы. Народы. Интеллект. Кто умнее?*

[14] Большая нехватка таких культур и животных на американском континенте является вероятной причиной несколько запоздалого третьего независимого изобретения сельского хозяйства и животноводства.

[15] Richard Lynn, *Dysgenics: Genetic Deterioration in Modern Populations*.

Глава 3. От аристократии к демократии через монархию

В этой главе я постараюсь кратко описать историческую загадку человечества, а затем дать на неё развёрнутый ответ.

Но сначала необходимо *сделать несколько* кратких общеисторических замечаний.

Люди не живут в состоянии гармонии друг с другом. Наоборот, между ними постоянно возникают конфликты. Первопричиной этих конфликтов является дефицит благ. Я хочу сделать А с неким благом В, и вы одновременно со мной хотите сделать С с тем же самым В. Поскольку мы не можем одновременно сделать А и С с В, между нами произойдёт конфликт. Если бы существовал избыток благ, то есть если бы, например, количество В было неограниченным, то конфликт мог бы

не произойти. Мы оба могли бы одновременно использовать В. Но большинство благ не находятся в состоянии избытка. С тех пор как человечество покинуло Эдем, мы оказались в мире, неотъемлемым свойством которого является дефицит.

Таким образом, в случае отсутствия совершенной гармонии человеческих интересов и постоянном дефиците благ, межличностные конфликты являются неизбежной частью человеческой жизни и постоянной угрозой миру между людьми. Столкнувшись с конфликтом, связанным с дефицитом благ, человек, будучи наделён разумом, должен решить, каким образом возможно мирно разрешить возникшую проблему [1].

Допустим, что группа людей признала факт возможности межличностных конфликтов и ищет выход из этого затруднительного положения. И допустим, что я предложу следующее решение: *в случае возникновения* конфликтов, включая те из них, в которых я являюсь стороной спора, моё слово будет решающим. Я буду окончательным судьёй относительно того, что и когда принадлежит кому-либо и кто прав или неправ в любом споре относительно дефицитных благ. Таким образом, все конфликты могли бы быть разрешены.

Каковы мои шансы на то, что вы или кто-либо ещё согласится на это предложение?

Я думаю, что мои шансы были бы нулевыми. Вы, как и большинство людей, считаете такое предложение нелепым и, вероятно, сочтёте меня сумасшедшим, которому требуется психиатрическое лечение. Вы поймёте, что в такой ситуации вам придётся постоянно опасаться за свою жизнь и имущество, так как я мог бы спровоцировать с вами конфликт, а затем решить его в свою пользу. Действительно, при таком положении дел вы фактически отказались бы от права на жизнь и собственность. Вы имели бы право на жизнь и собственность лишь постольку, поскольку я предоставлял его вам, и только до тех пор, пока я желаю оставить вам жизнь и сохранить то, что вы считаете своим имуществом. В конечном счёте, я был бы единственным, кто, по сути, имел право на жизнь и являлся владельцем всех благ.

И всё же — и в этом состоит загадка — это безумное решение является частью реальности. Куда бы вы ни посмотрели, оно было реализовано в действительность в форме института государства. Государство является верховным судьёй в каждой конфликтной ситуации. Его вердикты не подлежат обжалованию. Если вы вступаете в конфликт с государством (его агентами), то именно государство (его агенты) решают, кто прав, а кто нет. Также государство имеет право обложить вас любым налогом. Таким образом, именно государство принимает решение о том, какую часть вашей собственности вам разрешено сохранить — фактически собственность является вашей лишь символически. Государство может издавать и принимать любые законы, т.е. вся ваша жизнь находится во власти государства. Оно может даже приказывать убить вас — не для защиты вашей жизни и собственности, а для защиты себя и того, что оно считает защитой своей собственности.

Как же тогда — и это тот вопрос, который я хочу сейчас подробно рассмотреть, — могло возникнуть такое поистине безумное учреждение? Очевидно, что оно не могло возникнуть естественным образом, будучи результатом рационального человеческого мышления. На самом деле потребовались бы целые столетия для

того, чтобы такая ситуация могла произойти. Далее я хочу реконструировать этот процесс: от зарождения естественного, аристократического порядка, какой (со всеми его изъянами) существовал в эпоху раннего Средневековья в Европе, его вытеснения сначала абсолютными, а затем конституционными и классическими монархиями, которые существовали примерно с XVII до XX века, и, наконец, до их замены демократиями (процесс, начатый во время Великой французской революции и ставший наиболее активным после окончания Первой мировой войны).

Хотя в школах эти изменения подаются как пример прогресса — что неудивительно, поскольку история всегда пишется победителями, — я воссоздам их здесь как историю прогрессирующего безумия и упадка. Предварительно отвечу на вопрос, который неизбежно возникнет в связи с моей ревизионистской теорией: да, сейчас люди богаче, чем в Средние века и в эпоху монархий. Но это не значит, что они стали богаче из-за этих изменений. На самом деле, как я косвенно продемонстрирую ниже, увеличение богатства и общего уровня жизни происходили вопреки этим изменениям, а не благодаря им.

Каким образом реальные, рациональные, миролюбивые люди решили бы проблему социального конфликта? Позвольте мне подчеркнуть слово «реальный». Люди являются живыми существами, они не находятся за «завесой неведения» Ролза, не будучи ограничены во времени и ресурсах (поэтому неудивительно, что Ролз пришёл к весьма извращённым выводам на основе своих предпосылок). Они находятся в процессе жизни, когда начинают процесс рассуждений. Они знакомы с неизбежными фактами дефицита ресурсов и временных ограничений. Они трудятся, взаимодействуют с другими людьми и уже имеют определённые блага и их споры неизменно возникают по поводу прав собственности: следует ли уважать и считать их собственника законным владельцем.

В такой ситуации, я полагаю, люди, скорее всего, примут следующее решение: изначально каждый считается владельцем — наделённым правом исключительного контроля — всех благ, которыми он обладал до настоящего момента. Владелец собственности имеет больше прав на рассматриваемые блага, нежели кто-либо другой, кто не контролирует и не владеет ими — и следовательно, если кто-то другой вмешивается в контроль *владельца* над благами, то этот человек неправ и на нём лежит бремя доказательства обратного. Однако факта владения благом недостаточно, чтобы иметь на него права. Должна существовать презумпция в пользу первого обладателя, то есть того, кто осуществляет или кто первым взял контроль над чем-то, поскольку каждый конфликт — это конфликт между кем-то, кто уже контролирует что-то, и кем-то другим, кто хочет сделать это вместо него. Но из этого правила должны быть исключения. Собственник не является законным владельцем, если кто-то другой может доказать, что данное благо ранее контролировалось другим владельцем и было отобрано против его воли и согласия. Если найдётся тот, кто сможет доказать это, то собственность возвратится к законному владельцу. Также собственником не является человек, который всего лишь арендовал предмет на определённый промежуток времени (что может быть доказано, например, с помощью договора аренды). И также нынешний владелец предмета не является собственником, если он использует предмет от имени настоящего владельца, например, работодателя (что может быть доказано с помощью трудового договора) [2].

Выполнение этих логических требований приводит к разрешению конфликтов и сохранению мира. В такой ситуации становится ясно, кто чем владеет и что делать, если существуют взаимные претензии по отношению к дефицитным ресурсам.

Можно предположить, что универсальное согласие между людьми может быть достигнуто в вопросе принятия данных критериев и принципов. Остаётся разобраться с вопросом согласия относительно фактов в конфликтной ситуации. Исходя из этого можно утверждать, что потребность в судьях и арбитрах в конфликтах возникает из-за необходимости установления фактов, а не законотворческой деятельности. Таким образом, задача арбитража должна заключаться не в создании новых законов, а в применении принципов по отношению к конкретной ситуации и установления в ней необходимых фактов.

К кому станут обращаться люди для решения конфликтов? Очевидно, что они не станут обращаться к случайному человеку, так как справедливо посчитают, что случайное лицо не будет обладать интеллектуальными способностями и характером, достойных судьи. Вместо этого они предпочтут обратиться к естественным элитам, представителям аристократии и королям.

Говоря о естественной элите, я подразумеваю, что в любом обществе, имеющем минимально сложную структуру, некоторое количество индивидов приобретёт самый высокий статус. Из-за превосходства в наиболее ценимых в обществе чертах характера, некоторые люди будут обладать большим авторитетом, чем другие, и их мнение и суждения будут вызывать больше доверия. Более того, обычно этот авторитет (в силу традиций и биологических причин) в той или иной степени передаётся потомкам (что приводит к появлению «благородных» семей). Именно к главам таких семей люди предпочтут обращаться при желании урегулировать конфликты. Именно главы таких семей обычно выступают в роли судей и миротворцев, зачастую безвозмездно (из чувства гражданского долга). На самом деле, подобные ситуации можно наблюдать и сегодня в небольших сообществах.

Вернёмся к вопросу о вероятном исходе дискуссии между людьми о том, как разрешить проблему межличностных конфликтов. Легко можно представить, что в случае возникновения конфликта человек обратится к какому-то конкретному индивиду (например, главе самого знатного из семейств или к королю). Но невозможно представить соглашения о том, что этот король будет иметь право издавать законы. Напротив, король обязан следовать тем же законам, как и все остальные. Предполагается, что король только применяет закон, а не издаёт его. Чтобы гарантировать это, королю никогда не будет предоставлена монополия на разрешение конфликтов. Может случиться так, что каждый член общества действительно будет обращаться к нему с целью разрешения конфликтов, и что король действительно будет обладать «естественной» монополией в качестве судьи. Но каждый человек останется волен выбрать себе другого человека на эту роль, если он будет неудовлетворён фигурой короля. То есть у короля не будет монополии на роль судьи. Если будет обнаружено, что он издаёт законы, а не только применяет их, или что он совершает ошибки при исполнении суда (неверно истолковывает, искажает или фальсифицирует факты судебного дела), его решение может быть оспорено в другом суде, а он будет привлечён к ответственности за свои действия.

Таким образом, король может выглядеть как правитель, но он определённо не будет им являться.

Нечто, напоминающее естественную аристократию, возникало в период раннего Средневековья в Европе (в период феодализма). Поскольку моей целью является социологическая реконструкция истории (основанная на реальных исторических событиях, но объясняющая их с помощью философии и экономики), а не детальное описание исторических событий, я не стану тратить много времени на доказательство данного тезиса, но сошлюсь на труд Фрица Керна «Монархия и право в Средние века» (первоначально опубликованный на немецком языке в 1914 году под названием «Recht und Verfassung im Mittelalter») и на многочисленные ссылки, приведённые по этому поводу, в моей более ранней работе «Демократия — низвергнутый Бог».

Феодальные лорды и короли могли облагать налогом только с согласия облагаемого, *и на своей земле каждый свободный человек являлся сувереном*, то есть без согласия налоговое обложение рассматривалось как секвестр (незаконная экспроприация). Король мог быть самым благородным человеком из всех, но он должен был подчиняться закону, как и все остальные. Законы считались древними и вечными. «Новые» законы обычно не считались законами как таковыми. Единственной функцией средневекового короля являлось сохранение давно принятых законов. В эпоху раннего Средневековья не существовало идеи царствования по праву рождения. Чтобы стать королём, требовалось согласие людей, и каждый член сообщества имел право не подчиняться королю, если он считал его действия незаконными. Также люди имели возможность выбрать нового короля.

Данного описания «аллодиального» феодализма достаточно для моей цели. Я не утверждаю, что этот порядок был совершенным. На самом деле он был полон недостатков, прежде всего существованием во многих местах института крепостного права (хотя бремя, возложенное тогда на крепостных, было куда более лёгким, по сравнению с бременем, возложенным на современных налогоплательщиков). Я лишь утверждаю, что этот порядок приближался к естественному порядку из-за (а) верховенства и подчинения всех одним законам, (б) отсутствия законодательной власти и (в) отсутствия юридической монополии на судейство и арбитраж конфликтов. Я утверждаю, что эта система могла бы быть усовершенствована путём отмены крепостного права.

Но этого не произошло. Вместо этого была установлена территориальная монополия на судебную, а вместе с ней и законодательную ветви власти. Произошло отделение закона от права. Феодальных королей сменили сначала абсолютные, а затем конституционные монархи.

При феодализме король не настаивал на том, что только он имел право быть верховным судьёй. Король, возможно, был единственным человеком, к которому все обращались за совершением правосудия, но другие, в особенности дворяне, могли выполнять судебную функцию, если бы они и другие люди пожелали этого. Каждый человек имел возможность защищать себя и свою собственность и прибегать к частному суду для урегулирования конфликтов, и король мог быть привлечён к ответственности в суде, который не был выбран им. Запретить данное

положение дел и настаивать на том, что все конфликты должны быть разрешены королём, – это не что иное, как государственный переворот. С монополизацией функции верховного судьи король превратился в абсолютного монарха, а частная собственность упраздняялась и заменялась фиктивной собственностью, то есть собственностью, предоставленной монархом своим подданным. Король мог облагать налогом людей вместо того, чтобы просить у владельцев частной собственности субсидии. Также он мог издавать законы вместо того, чтобы подчиняться уже существующим законам. Постепенно исполнение законов начало финансироваться из налогов (вместо того чтобы исполняться за добровольную плату). Качество права ухудшилось, поскольку вместо того, чтобы отстаивать ранее существовавшие законы и применять универсальные и неизменные принципы правосудия, король как судья-монополист не боялся лишиться клиентов из-за своих решений и начал изменять законы в свою пользу.

Это привело к увеличению уровня насилия. Конечно, насилие определяло отношения между людьми с самого начала истории. Но насилие обходится дорого, и до развития института государства агрессор сам нёс все издержки, связанные с агрессивными действиями. Однако с появлением государства, издержки агрессии были перенесены на третью сторону (налогоплательщиков и призывников). Таким образом, империализм, то есть попытки с помощью военных действий (массового убийства) увеличить свою территорию и население (а следовательно, и налоговые поступления), лишь увеличился.

Как такое развитие событий стало возможным? Нетрудно понять, почему феодальный король может захотеть стать абсолютным монархом, то есть главой государства. Кто, кроме ангелов, не хотел бы оказаться в положении, когда он сможет решать все возникшие конфликты, включая те из них, где он является одной из заинтересованных сторон? Гораздо труднее понять, как королю, даже если он является благороднейшим из людей, может сойти с рук такой переворот. Очевидно, что любой король столкнётся с прямой оппозицией, наиболее яростной со стороны других дворян, поскольку именно они, как правило, владеют наибольшим количеством имущества и больше всего могут пострадать от действий короля.

Для получения абсолютной власти король вступил в сговор с интеллектуалами. Спрос на интеллектуальные услуги, как правило, низок, а интеллектуалы, как правило, страдают от сильно раздутого представления о себе, а потому склонны к зависти и легко поддаются ей. Король предложил им надёжное положение придворных в обмен на идеологическую поддержку короля как абсолютного правителя. Интеллектуалы придумали двойной миф. С одной стороны, они изображали историю до прихода абсолютного короля в самом худшем свете, как непрекращающуюся борьбу всех против всех, вопреки фактической истории естественного аристократического порядка. С другой стороны, они изображали принятие королём абсолютной власти как результат некоего соглашения его подданных, якобы заключённого добровольно.

Выше я показал, что такой договор никогда не мог быть заключён. Ни один человек в здравом уме никогда не согласился бы на такие условия. Но едва ли нужно подчёркивать, что идея о том, что власть государства — территориального монополиста в принятии окончательных решений — основана на каком-то

договоре, господствует среди людей и по сей день. Как это ни абсурдно, но придворные интеллектуалы добились поразительных успехов.

В результате пропаганды интеллектуалами мифа о возвышении абсолютных монархов в результате общественного договора, абсолютная монархия превратилась в конституционную монархию. В историографии этот переход обычно преподносится как большой прогресс в истории человечества. На самом деле он представлял собой ещё большее безумие. В то время как положение короля при абсолютизме было весьма шатким, поскольку память о его получении абсолютной власти через её узурпацию всё ещё сохранялась, введение конституции напротив кодифицировало (укрепило) его власть облагать налогами и издавать законы. Конституция не защищала людей от короля, она защищала короля от людей.

Конституция легитимизировала изъятие налогов и издание законов, к которым раньше относились с величайшим презрением. Король, ограничив себя формальностями, получил возможность расширить свои полномочия и заниматься грабежом — даже с бóльшим размахом, чем во времена, когда он был абсолютным монархом.

По иронии судьбы, те самые силы, которые превратили феодального короля сначала в абсолютного, а затем конституционного монарха — апелляция к эгалитарным чувствам, зависть обычных людей более успешным членам общества и помощь интеллектуалов — способствовали утрате его власти и проложили путь к другой, ещё большей глупости: переходу от монархии к демократии.

Когда обещания короля о справедливости оказались пустыми, а интеллигенция, как и следовало ожидать, осталась недовольна своим социальным положением, она обратилась к тем же эгалитарным настроениям, что и король, который использовал их в борьбе со своими конкурентами — аристократами. В конце концов, сам король был членом дворянства, и в результате исключения всех других дворян из числа потенциальных судей его положение стало лишь более элитарным, а его поведение — более высокомерным. Соответственно, представляется логичным, что монарх должен быть свергнут, а начатая им эгалитарная политика доведена до конца, то есть до осуществления контроля власти обычным человеком через своих представителей в лице интеллектуалов (по их собственному представлению).

Однако интеллектуальная критика, направленная против короля, не была критикой института монополии на принятие окончательных решений, что, как я уже объяснял, и является высшей моральной и экономической глупостью и корнем зла. Критики не хотели возвращаться к естественному аристократическому порядку, в котором они могли играть лишь незначительную роль. В своей критике они поверхностно апеллировали к старой и неискоренимой идее равенства всех перед законом и утверждали, что монархия основана на привилегиях и несовместима с равенством. Они предположили, что в случае, когда в состав правительства сможет войти любой человек (то есть при демократии), принцип равенства всех перед законом будет соблюден.

Каким бы привлекательным не казалась эта аргументация на первый взгляд, она неверна. Демократическое равенство есть нечто совершенно отличное и несовместимое с идеей единых законов, одинаково применимых ко всем во все

времена. В условиях демократии все равны, поскольку поступление на государственную службу доступно всем на равных условиях. Каждый может стать королём, а не только привилегированный круг людей и тот, кого король назначит своим преемником. Таким образом, в условиях демократии не существует личных привилегий или привилегированных лиц. Однако функциональные привилегии и привилегированные функции существуют. Государственные агенты, то есть так называемые государственные служащие, пока они находятся у власти, имеют государственные привилегии и занимают, таким образом, совершенно не равное положение по сравнению с теми, кто действует в рамках частного права.

С одной стороны, государственным служащим, как и любому абсолютистскому или конституционному королю, разрешено финансировать или субсидировать собственную деятельность за счёт налогов. То есть они, в отличие от граждан, подчинённых частному праву, получают доход не за счёт производства и последующей продажи товаров и услуг на добровольной основе. Они имеют право заниматься тем, что в сделках между субъектами частного права считается кражей. Таким образом, привилегии и юридическая дискриминация — как и различие между правителями и субъектами — не исчезают при демократическом правлении. Напротив, в условиях демократии привилегии становятся доступны каждому: любой может участвовать в грабеже и жить за счёт украденного имущества, если он станет государственным служащим. Демократически избранные парламенты, как и любой абсолютистский или конституционный король, не связаны никаким высшим, естественным правом, но могут создавать и изменять любые государственные законы. В то время как король принимает законы лишь ради собственной выгоды, в условиях демократии каждый имеет возможность попытаться принять законы, которые будут действовать в его пользу, при условии, что он получит доступ в парламент.

Поэтому вполне логично, что в условиях демократии тенденция повышения цены правосудия и снижения его качества не уменьшится, а увеличится.

Теоретически, переход от монархии к демократии предполагает замену постоянной, наследственной монополии «владельца» — короля — временными и взаимозаменяемыми «смотрителями» — президентами, премьер-министрами и членами парламента. И короли, и президенты будут совершать агрессивные действия — изымать налоги и принимать законы. Однако король, поскольку он «владеет» монополией и может продать и завещать свой статус наследнику, будет склонен в большей степени заботиться о последствиях собственных действий.

Как владелец основного капитала на «своей» территории, король будет сравнительно в большей степени ориентирован на будущее. Для сохранения или увеличения стоимости своей собственности, он будет склонен к сравнительно меньшей эксплуатации граждан. Напротив, временный и сменяемый демократический правитель не владеет страной, но пока он находится у власти, он волен использовать полученную власть в своих интересах. Это означает, что его эксплуатация будет более ориентирована на настоящее, то есть будет осуществляться без учёта издержек.

Не является преимуществом демократии и то, что существует свободный доступ на любой государственный пост (в то время как при монархии доступ ограничивается

по усмотрению короля). Напротив, благом является лишь конкуренция в производстве товаров. Конкуренция в налогообложении и законодательстве не является чем-то хорошим для общества. На самом деле, это чистое зло. Короли, наследуя свой статус по праву рождения, могут быть как безобидными дилетантами, так и достойными людьми (если они окажутся «сумасшедшими», то их быстро остановят или, при необходимости, убьют близкие родственники, имеющие отношение к владениям королевской династии). Напротив, выбор правителей государства путём всенародных выборов делает практически невозможным подняться на вершину безобидному или порядочному человеку. Президенты и премьер-министры вступают в свои должности не благодаря своему статусу естественных элит, как это когда-то делали феодальные короли, то есть на основе признания их экономического успеха, выдающихся профессиональных достижений, порядочной личной жизни, мудрости и вкуса, а в результате их способности к демагогии и умению понравиться массам. Таким образом, демократия фактически гарантирует, что подняться на вершину государственного управления смогут лишь опасные люди. К тому же, природа людей такова, что если у них есть возможность попасть в ряды тех, кто сможет извлекать выгоду из своего положения, количество желающих попасть в их число будет лишь увеличиваться.

Помимо этого, при демократии размывается различие между правителями и управляемыми. Возникает иллюзия, что различия больше не существует, будто при демократическом правлении каждый индивид является сувереном. Ранее противостояние между правителями и управляемыми приводило к общественному сопротивлению государственной власти. Эксплуатация в виде налогообложения и принятия новых законов казалась обществу проявлением агрессии и чем-то злым, сейчас же, в демократиях, она кажется таковой в куда меньшей степени.

Хуже того, при демократии социальный характер и личности всех людей будут претерпевать негативные изменения. Общество будет невероятно политизированным. В эпоху монархии аристократический порядок всё ещё оставался в некоторой степени нетронутым. Только король и опосредованно члены его двора могли обогащаться за счёт чужого имущества. Все остальные были обязаны своим положением в обществе собственным трудом. Но при демократии изменяется структура стимулов. Эгалитарным чувствам и зависти даётся полная свобода, ведь теперь каждый (а не только король) может получить возможность эксплуатировать всех остальных. Каждый получает возможность высказывать любые эксплуатационные требования. По словам Фредерика Бастиа, при демократии государство становится великой фикцией, с помощью которой каждый стремится жить за счёт всех остальных. Каждый человек и его собственность могут подвергнуться эксплуатации всех желающих.

Таким образом, при режиме «один человек — один голос» запускается механизм перераспределения богатства и доходов. Следует ожидать, что большинство неимущих начнёт постоянно пытаться жить за счёт меньшинства имущих. Это не означает, что будут только классы имущих и неимущих и что перераспределение богатства будет происходить от богатых к бедным. Хотя перераспределение от богатых к бедным будет являться неотъемлемой характеристикой демократии, было бы наивно предполагать, что оно станет единственной и главной формой перераспределения. В конце концов, богатые и бедные обычно богаты или бедны по определённым причинам. Богатые люди, как правило, более умны и трудолюбивы,

а бедные зачастую более глупы и ленивы. Маловероятно, что глупцы, даже если они составляют большинство, смогут систематически обогащаться за счёт меньшинства ярких и энергичных личностей. Скорее, большая часть перераспределения будет происходить внутри имущих, зачастую за счёт изъятий у бедняков (например, вспомните о «бесплатном» университетском образовании, когда рабочий класс, чьи дети редко посещают университеты, платит за образование детей среднего класса). Будет установлена система с множеством постоянно меняющихся критериев, с помощью которой будет определяться, является ли человек имущим (заслуживающим того, чтобы быть ограбленным) или неимущим (заслуживающим того, чтобы получить награбленное), и именно интеллектуалы будут играть главную роль в определении этих критериев (установив, что они всегда будут классифицированы как неимущие, то есть как нуждающиеся в награбленном). Некоторые индивиды будут классифицированы как представители обеих групп, а некоторые окажутся исключительно в одной из них.

Поскольку перераспределяется нечто ценное, какое-то «благо» (собственность и доход), которого у имущих слишком много, а у неимущих — слишком мало, любое перераспределение подразумевает, что стимулы производить нечто ценное — какое-то «благо» — будут систематически уменьшаться, а стимулы не производить ничего ценного — не обладать никакими «благами», но вместо этого полагаться на перераспределение и получение богатства за чужой счёт — систематически увеличиваться. Короче говоря, доля «хороших» людей будет уменьшаться, а доля «плохих» людей (с негативными чертами характера и деструктивным поведением) будет увеличиваться, что будет приводить к обнищанию и снижению качества жизни.

Невозможно предсказать точный исход борьбы всех против всех в демократическом обществе. В целом можно утверждать, что она будет приводить к увеличению налогов и нескончаемому потоку законодательных актов (что усиливает правовую неопределённость), результатом чего будет изменение временных предпочтений. Но мы с определённой уверенностью можем предсказать, что при демократии появляется новый правящий класс. Президенты, премьер-министры, лидеры парламента и политических партий являются частью этой новой элиты. Было бы наивно предполагать, что они являются самыми могущественными людьми. Чаще всего они становятся агентами людей, находящихся вне поля зрения общественности. Истинная новая элита, которая определяет и контролирует, кто станет президентом, премьер-министром, лидером партии и так далее, — это плутократы. Плутokraty, по определению великого, но забытого американского социолога Уильяма Грэма Самнера, это не просто сверхбогатые люди — крупные банкиры и владельцы крупного бизнеса. Плутokraty — это подкласс сверхбогатых. Это люди, которые осознали огромные возможности увеличения богатства с помощью государственной власти, и по этой причине решили заняться политикой. Они понимают, что государство может сделать их гораздо богаче: с помощью субсидий, государственных контрактов и законов, защищающих от конкуренции. По этой причине они решают использовать богатство для получения политической власти с целью дальнейшего обогащения (вместо того чтобы становиться богаче исключительно экономическими средствами, то есть за счёт лучшего обслуживания клиентов). Плутokratam не нужно самим занимать политические должности, так как у них есть более важные дела. Но у них есть деньги и положение, чтобы «купить» гораздо менее богатых профессиональных политиков — либо с помощью

взятки, либо согласившись предоставить им прибыльную должность в собственном бизнесе. Таким образом плутократам удаётся влиять на политическую жизнь и определять политический курс. Именно плутократы являются главными победителями в постоянной борьбе за перераспределение богатства.

Демократия также оказывает глубокое влияние на ведение войн. Я уже объяснял, что короли, так как у них есть возможность перенести плату за агрессию на других, как правило, могут быть весьма агрессивны. Однако в таком случае мотивом для развязывания войны обычно является спор о собственности и наследстве (вызванный сложной сетью междинастических браков и исчезновением династий). Монархические войны характеризуются ограниченными территориальными целями. Данные войны вызваны материальными причинами, а не идеологическими разногласиями. В таких случаях народ считает войну личным делом короля. Кроме того, из-за личной природы конфликтов между различными правящими семьями, народ ожидает, что короли будут вынуждены признать чёткое различие между военными и мирным населением и направить свои войска исключительно друг против друга.

Демократия превращает ограниченные войны королей в тотальные войны народов. Стирая различие между правителями и народом, демократия усиливает отождествление общества с государством. Раз государство принадлежит всем, как обманчиво пропагандируют сторонники демократии, то кажется справедливым, что каждый должен сражаться за своё государство и что все экономические ресурсы страны должны быть направлены на военные цели. Поскольку чиновники не могут претендовать на личное «владение» чужой территорией (как это может сделать король), войны начинают носить идеологический характер — национальная слава, демократия, свобода, цивилизация, гуманность. Данные цели неосязаемы и неуловимы, и поскольку никогда нельзя быть уверенным в победе, логическим следствием может быть массовое уничтожение всех мирных жителей противника. Кроме того, размывается различие между мирным населением и комбатантами, а массовое участие в войне — мобилизация населения — становятся частью военной стратегии.

Эти тенденции усиливаются с появлением плутократов. Во-первых, плутократы быстро поймут, какую огромную прибыль можно получить, вооружая государство, производя оружие и оборудование, используемые в войне, и получая за это щедрые контракты, финансируемые за счёт налогов. Будет создан военно-промышленный комплекс. И во-вторых, в отличие от большинства людей, чьи интересы имеют локальный характер, интерес плутократов носит глобальный характер (потенциально по всему земному шару), и с целью их защиты для плутократов естественно использовать военную мощь государства для вмешательства в иностранные конфликты. Будь то провал деловой сделки или возможность получить доступ к ресурсам — всё это может служить поводом для давления на государственный аппарат, чтобы он пришёл им на помощь и вмешался в дела за пределами своей территории. Даже если такое вмешательство приведёт к разрушению целой страны, плутократы извлекут из этого выгоду, если смогут, например, получить контракты на восстановление страны, которая была разрушена с их подачи и с помощью произведённого ими оружия.

Наконец, тенденция, начавшаяся с войнами королей, ведущая к усилению политической централизации (построению империи), усилится с появлением демократических (массовых) войн.

Изначально каждое государство устанавливает монополию на небольшой территории. Это позволяет продуктивным людям легко сменить место проживания, чтобы избежать налогообложения и законодательных норм, навязанных государством. Государству выгодно иметь под своим контролем как можно больше продуктивных людей, поэтому очевидно, что оно не любит, когда его продуктивные члены общества сбегают, и пытается захватить их, увеличивая территорию своего влияния (посредством захватов). В своём стремлении к экспансии оно сталкивается с противодействием со стороны других государств. Логика государства такова, что на любой территории должен находиться лишь один монополист на право принятия окончательных решений. Таким образом конкуренция между различными государствами носит элиминирующий характер. Либо государство А побеждает и контролирует территорию, либо государство В. У кого будет больше шансов одержать победу? При прочих равных условиях, шансов на победу больше у государства, которое будет паразитировать на сравнительно более экономически развитом обществе (за счёт чего будет иметь больше ресурсов). То есть у более «либеральных» государств, со сравнительно низкими налогами и малым законодательным регулированием, будет больше шансов на расширение своей территории, чем у более деспотических государств.

В этой реконструкции империализма и политической централизации не хватает одного важного элемента: денег.

Каждое государство осознаёт огромный потенциал для собственного обогащения — намного превосходящий тот уровень, который можно было достичь с помощью налогообложения, — через монопольный контроль над деньгами.

Назначая себя единственным органом, который может создавать деньги, у государства появляется возможность увеличивать денежную массу, обесценивая сбережения других собственников денег. С появлением такой возможности государства получили возможность бесплатно для себя (но за счёт всех остальных) «покупать» требуемые для себя «блага». Но в условиях существования множества конкурирующих государств и валют, в игру вступают ограничения политики «экспроприации через инфляцию». Если одно государство раздувает денежную массу в большей степени, чем другое, его деньги будут иметь тенденцию обесцениваться на валютном рынке по отношению к другим деньгам, и люди отреагируют на эти изменения, продавая более инфляционные деньги (и покупая менее инфляционные).

Такая ситуация может быть предотвращена только при условии координации инфляционной политики всех государств и создания картеля. Но любой подобный картель был бы нестабильным и недолговечным по экономическим причинам. Для того чтобы картель был устойчивым, требуется главный управляющий, что возвращает нас к теме империализма. Господствующее в военном отношении государство, гегемон, может и будет использовать своё положение для установления и проведения в жизнь политики скоординированной инфляции и монетарного империализма. Оно прикажет своим вассальным государствам

раздувать денежную массу в одинаковой степени. Оно будет оказывать на них давление, чтобы вассальные государства приняли его валюту в качестве резервной и, в конечном итоге, заменили все другие, конкурирующие валюты едиными бумажными деньгами, которые будут использоваться во всём мире и контролироваться главным государством, что позволит усилить его власть на другие территории и, в конечном счёте, на весь земной шар даже без ведения войн.

Но — тут я приближаюсь к концу рассказа о моральном и экономическом безумии — империализм содержит семена своего собственного разрушения. Чем ближе государство подходит к конечной цели — мировому господству посредством установления единого правительства и единой фиатной валюты — тем меньше у него причин сохранять внутренний либерализм и больше причин увеличивать эксплуатацию оставшихся продуктивных людей. Следовательно, при экономической стагнации имперская внутренняя политика «всеобщего благосостояния» и внешняя политика империализма подойдут к концу. Наступивший экономический кризис будет служить причиной для децентрализации и сепаратизма, что приведёт к распаду империи.

Я предпринял попытку сделать нынешний мир более понятным, представив исторические события как результат ряда последовательных моральных и экономических ошибок.

Мы все знакомы с результатами этих ошибок. Стоимость судебных услуг астрономически выросла (а их качество — ухудшилось). Налоговое бремя, налагаемое на производительных членов общества, — увеличивается, а на непроизводительных — уменьшается. Государственный долг достиг исторически небывалого уровня (и продолжает увеличиваться). Демократические государства по всему миру находятся на грани банкротства. Качество права неуклонно ухудшилось до такой степени, что идея права как совокупности универсальных и непреложных принципов справедливости исчезла из общественного сознания и подменилась идеей отождествления права с законодательными нормами. Каждый аспект частной жизни регулируется горой бумажных и вредных законов. Во имя социальной, общественной или национальной безопасности демократические лидеры «защищают» нас от изменения климата, вымирания животных и растений и истощения природных ресурсов, мужей и жён, родителей, работодателей, бедности, болезней, бедствий, невежества, предрассудков, расизма, сексизма, гомофобии и бесчисленных других «врагов» и «опасностей». А единственная задача, которую правительство изначально брало на себя — защита нашей жизни и собственности — не выполняется. Наоборот, по мере увеличения государственных расходов на социальную, общественную и национальную безопасность права частной собственности размывались всё больше, и тем больше люди лишались самой основы всякой защиты: личной независимости и экономического благополучия. Чем больше создавалось законодательных актов, тем больше увеличивалась правовая неопределённость, а беззаконие всё больше вытесняло закон и порядок. В то время как мы становимся всё более зависимыми, беспомощными, бедными и неуверенными в себе, правящая элита политиков и плутократов становится всё более богатой, коррумпированной, опасной и высокомерной.

Когда-то сравнительно либеральные США, через кажущуюся бесконечной серию войн — войн, которые якобы должны были сделать мир безопасным, но которые на

самом деле велись в пользу плутократов и ради установления мирового господства, — стали главной имперской державой, которая вмешивается во все дела своих граждан и населения бесчисленного количества других стран. Будучи доминирующей империей в мире, США сделали свою валюту ведущей международной резервной валютой. Достигнув этого, США получили возможность жить в эпоху постоянного дефицита бюджета. Таким образом, Штаты не обязаны платить за постоянное превышение импорта над экспортом, как это происходит между «равными» партнёрами. Вместо того чтобы использовать свои экспортные доходы для покупки американских товаров с целью внутреннего потребления, иностранные правительства и центральные банки используют свои долларовые резервы для скупки государственных облигаций США, чтобы помочь американцам потреблять сверх собственных средств за счёт населения других стран.

Я попытался показать, почему такое положение дел не является случайным и что его можно было предсказать в общих чертах. Я попытался объяснить, почему установление территориальной монополии на принятие окончательных решений, то есть появление государства, было колоссальной ошибкой и почему история о том, что демократия является верхом достижения человеческой цивилизации, — явная ложь.

Последний вопрос, таким образом, звучит так: «Можем ли мы исправить эту ошибку и вернуться к естественному аристократическому социальному порядку?» Я много писал и говорил о том, как такой порядок может работать (и все желающие могут ознакомиться с моими трудами на эту тему) [3]. Но здесь я хочу затронуть вопрос политической стратегии: каким образом, учитывая текущее положение дел, возможно достичь этого порядка, который предложили я и другие люди, такие как мой учитель Мюррей Ротбард.

Демократическая система находится на грани экономического коллапса и банкротства, о чём, в частности, свидетельствуют такие события, как Мировой экономический кризис (2008-2013 годов). ЕС и евро испытывают серьёзные трудности, как и Соединённые Штаты и американский доллар. Есть признаки того, что доллар постепенно теряет свой статус доминирующей международной резервной валюты. В этой ситуации, мало чем отличающейся от ситуации после распада бывшей советской империи, набирают силы сепаратистские движения, и я предлагаю оказать этим движением идеологическую поддержку.

Ибо даже если в результате этих тенденций к децентрализации появятся новые государства (даже демократические), то усиление политической конкуренции будет поощрять умеренность в отношении эксплуатации государствами продуктивных людей. Достаточно взглянуть на Лихтенштейн, Монако, Сингапур, Гонконг и даже Швейцарию. В идеале децентрализация должна происходить вплоть до уровня небольших сообществ, то есть до уровня свободных городов и деревень, какими они когда-то были в Европе. Вспомните, например, города Ганзейского союза. Даже в случае повторного возникновения государств в небольших регионах и общинах глупость, высокомерие и коррупция политиков и местных плутократов станут куда более заметны и, возможно, положение дел будет изменено. И лишь в очень маленьких политических единицах представители естественной элиты или того, что от неё осталось, смогут вновь обрести статус добровольно признанных судей и арбитров.

Примечания

[1] Теоретически, можно было бы избежать конфликтов, связанных с использованием ресурсов, если бы они всегда и непрерывно находились в частной собственности — то есть контролировались какими-либо конкретными лицами, при условии, что всегда было бы понятно, кто является собственником ресурсов. В таком случае интересы и идеи разных индивидов могут быть настолько различны, насколько это возможно, при этом конфликты возникать не будут, поскольку интересы и идеи индивидов всегда будут касаться исключительно их собственности. По сути, конфликты — это всегда конфликты относительно ответа на вопрос, кто является или не является частным (исключительным) владельцем какого-либо ресурса в определённый момент времени. Чтобы избежать конфликтов необходимо определить, как изначально устанавливается право частной собственности (путём первоначального и, следовательно, бесспорного присвоения ранее не принадлежавших ресурсов) и как собственность можно и нельзя передавать от одного индивида к другому (по взаимному согласию в ходе обменов, а не грабежу).

[2] Следует отметить, что требования постоянного мира удовлетворяются этим решением. Всегда ясно, кому что принадлежит и что делать, если существуют конкурирующие претензии по поводу дефицитных ресурсов.

[3] В 2011 году я выступил с докладом в Институте Мизеса в Бразилии на тему «Проблема социального порядка». Он был опубликован Институтом Мизеса в США под названием «Общество государственного или частного права» и доступен по адресу: <https://mises.org/daily/5270/State-or-PrivateLaw-Society>.

Об авторе

Ганс-Германн Хоппе родился 2 сентября 1949 года в Пайне, Германия. Он учился в Саарском университете в Саарбрюккене, Франкфуртском университете имени Иоганна Вольфганга Гёте и Мичиганском университете в Анн-Арборе, где изучал философию, социологию историю и экономику. В 1974-м он получил докторскую степень по философии во Франкфуртском университете имени Иоганна Вольфганга Гёте, а затем, в 1981-м в том же учебном заведении, степень по социологии и экономике.

Хоппе преподавал в нескольких немецких университетах, а также в Университете Джонса Хопкинса в Италии. В 1985 году он переехал из Германии в США, чтобы учиться у Мюррея Ротбарда. Он оставался близким другом Ротбарда до его смерти в январе 1995 года.

Австрийский экономист и либертарианский / анархо-капиталистический философ, в настоящее время он является почётным профессором экономики в Невадском университете Лас-Вегаса, заслуженным научным сотрудником Института Мизеса, бывшим редактором журнала либертарианских исследований (с 1995 по 2009 годы),

а также основателем и президентом The Property and Freedom Society (с 2006 года по настоящее время).

Профессор Хоппе написал множество работ, среди его публикаций: «Демократия — низвергнутый Бог»; Myth of National Defense; The Economics and Ethics of Private Property; «Теория социализма и капитализма»; Handeln und Erkennen; The Great Fiction; Kritik der kausalwissenschaftlichen Sozialforschung; Eigentum, Anarchie und Staat; Der Wettbewerb der Gauner, а также многочисленные статьи по философии, экономике и общественным наукам. Его произведения переведены на тридцать языков.

Он женат на экономисте, докторе Гюльчине Имре Хоппе и проживает с ней в Стамбуле, Турция.